

**«ЭТО, ГОВОРЯТ, ВАШЕ МЕСТНОЕ МЕСТО СИЛЫ»:
ДУХОВНЫЙ ТУРИЗМ НА СЕЙДОЗЕРЕ ГЛАЗАМИ ПРОВОДНИКОВ
ПО КОЛЬСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ**

Алена Сергеевна Давыдова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН
Академгородок 40 «А», Апатиты, Россия
alyona-797@mail.ru

Сергей Анатольевич Штырков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
shtyr@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Так называемый духовный туризм, важнейшей частью которого являются путешествия на места силы, представляет собой динамично развивающееся направление в туристической индустрии. Однако рынок услуг в этой сфере далеко не везде прозрачно и прагматично структурирован. Иногда он последовательно трансформируется посредством создания и продвижения легко узнаваемого потребителем продукта, который предлагается специализирующимися на его производстве предпринимателями. В других случаях этот рынок развивается, используя ресурсы уже имеющихся в этой сфере структур, которые специально для него не были предназначены. Целью исследования является анализ отдельных аспектов процесса, который можно определить как приход нового потребителя туда, где его не ждали и не привыкли обслуживать и где работу туристической индустрии определяет давно сформировавшаяся инфраструктура. В качестве важной составляющей этой инфраструктуры выступают проводники, обеспечивающие путешествия к давно знакомым им географическим объектам. В сложившейся ситуации они сталкиваются с тем, что новые туристы, с которыми им нужно работать, ведут себя непривычным образом. Среди прочих необычных вещей, с которыми проводникам приходится иметь дело, самые большие затруднения вызывает обыкновение новых туристов приписывать местным объектам неизвестные самим проводникам смыслы. Другими словами, эти «гости» привозят с собой то, что обычно производится «хозяевами», местными людьми, которые должны быть причастными к локальному знанию. Но особая история заселения Кольского края создает у проводников ощущение нехватки аутентичной информации о прошлом этих мест. В этих условиях они, пытаясь создать необходимые исторические нарративы, вступают в сложные переговоры со своими клиентами о том, на каком прошлом должна основываться репутация самой популярной дестинации духовного туризма в Мурманской области — Сейдозера.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нью-эйдж, паломничество, инфраструктура, Мурманская область, Сейдозеро, антропология религии, духовный туризм.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН № 0226-2019-0066.

Д л я с с ы л о к : Давыдова А., Штырков С. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 257–296.

doi : 10.31250/1815-8870-2022-18-55-257-296

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/davydova_shtyrkov.pdf

**“THIS, THEY SAY, IS YOUR LOCAL PLACE OF POWER”: SPIRITUAL TOURISM
ON SEYDOZERO THROUGH THE EYES OF GUIDES ON THE KOLA PENINSULA**

Alena Davydova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences
Akademgorodok 40 “A”, Apatity, Russia
alyona-797@mail.ru

Sergei Shtyrkov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
shtyr@eu.spb.ru

Abstract: So-called spiritual tourism, the most important part of which is travelling to “places of power”, is a dynamically developing trend in the tourism industry. However, the market for services in this field is far from being transparently and pragmatically structured in every place. Sometimes it is consistently transformed through the creation

and promotion of an easily recognisable consumer product offered by specialised entrepreneurs. Somewhere, however, this market develops using the resources of structures already present in the field that were not specifically designed for it. The purpose of this study is to analyse certain aspects of the process, which can be defined as the arrival of a new consumer where they have not been expected, where the tourism industry is defined by a long-established infrastructure. The guides who provide travel to familiar geographical locations are an important part of this infrastructure. They are faced with new tourists to whose unusual practices they have to adapt. Among other strange things, guides have to deal with the fact that their clients have a habit of attributing meanings to local objects that are unknown to the guides themselves. In other words, these “guests” bring with them something that is usually produced by the “hosts”, local people who are supposed to be privy to local knowledge. But the particular history of settlement in this region creates in the guides a sense of a lack of authentic information about the past of these places. Under these circumstances, in an attempt to create the necessary historical narratives, they enter into difficult negotiations with their clients about what kind of past the most popular spiritual tourism destination in the Murmansk region, Seidozero, should base its reputation on.

Keywords: New Age, pilgrimage, infrastructure, Murmansk region, Seidozero, anthropology of religion, spiritual tourism.

Acknowledgements: The article was made within the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences no. 0226-2019-0066.

To cite: Davydova A., Shtyrkov S., “Eto, govoryat, vashe mestnoe mesto sily”: dukhovnyy turizm na Seydozere glazami provodnikov po Kolskomu poluostrovu’ [“This, They Say, Is Your Local Place of Power”: Spiritual Tourism on Seydozero through the Eyes of Guides on the Kola Peninsula], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 55, pp. 257–296.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-257-296

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/davydova_shtyrkov.pdf

Алена Давыдова, Сергей Штырков

«Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову

Так называемый духовный туризм, важнейшей частью которого являются путешествия на места силы, представляет собой динамично развивающееся направление в туристической индустрии. Однако рынок услуг в этой сфере далеко не везде прозрачно и прагматично структурирован. Иногда он последовательно трансформируется посредством создания и продвижения легко узнаваемого потребителем продукта, который предлагается специализирующимися на его производстве предпринимателями. В других случаях этот рынок развивается, используя ресурсы уже имеющихся в этой сфере структур, которые специально для него не были предназначены. Целью исследования является анализ отдельных аспектов процесса, который можно определить как приход нового потребителя туда, где его не ждали и не привыкли обслуживать и где работу туристической индустрии определяет давно сформировавшаяся инфраструктура. В качестве важной составляющей этой инфраструктуры выступают проводники, обеспечивающие путешествия к давно знакомым им географическим объектам. В сложившейся ситуации они сталкиваются с тем, что новые туристы, с которыми им нужно работать, ведут себя непривычным образом. Среди прочих необычных вещей, с которыми проводникам приходится иметь дело, самые большие затруднения вызывает обыкновение новых туристов приписывать местным объектам неизвестные самим проводникам смыслы. Другими словами, эти «гости» привозят с собой то, что обычно производится «хозяевами», местными людьми, которые должны быть причастными к локальному знанию. Но особая история заселения Кольского края создает у проводников ощущение нехватки аутентичной информации о прошлом этих мест. В этих условиях они, пытаясь создать необходимые исторические нарративы, вступают в сложные переговоры со своими клиентами о том, на каком прошлом должна основываться репутация самой популярной дестинации духовного туризма в Мурманской области — Сейдозера.

Ключевые слова: нью-эйдж, паломничество, инфраструктура, Мурманская область, Сейдозеро, антропология религии, духовный туризм.

Пролистывая ленты сообщений пабликов в социальных сетях, посвященных путешествиям в отдаленные от цивилизации, но при этом бесконечно прекрасные уголки Земли, непременно натыкаешься на фотографии определенного типа. На них изображены люди, а чаще один человек, снятый на фоне захватывающего дух горного ландшафта или зеркальной глади озера. При этом человек, зафиксированный фотокамерой, не смотрит в нее. Мы не видим его взгляда, неважно — торжествующего («смотрите, куда я добрался!»), серьезного, соответствующего величественности пейзажа, или дурашливого, говорящего нам: «Сам понимаю, что картинка получится слишком пафосной, и меня это забавляет». Он не смотрит на нас не потому, что чем-то деятельно занимается. Он просто сидит, например в позе падмасана (лотоса), или, скажем, стоит в стойке Чжан Чжуан, своего рода визуальной визитной карточки гимнастики цигун. Глаза захваченного фотографом в момент глубокого

Алена Сергеевна Давыдова

Центр гуманитарных проблем
Баренц-региона Кольского
научного центра РАН,
Апатиты, Россия
alyona-797@mail.ru

Сергей Анатольевич Штырков

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
shtyr@eu.spb.ru

сосредоточения человека нам не видны: либо они закрыты, либо лицо позирующего обращено не в сторону камеры (он ее как бы не замечает), а от нее — на лежащие перед ним и зрителями, а чаще всего под ними дали. Мы понимаем, глядя на этот снимок, что человек контактирует с местом, в котором находится, посредством не столько зрения, сколько всего своего тела. Именно оно устанавливает связь с землей и растворяется в потоке реальности. Реальность эта не подвержена изменениям, так как иконически обозначена вечной природой. Кроме того, спокойная статичная поза говорит нам, что человек находится в ней долго и зафиксированная на снимке сцена может длиться практически бесконечно. Все это сообщает, что перед нами не простой светлый турист, стремящийся в отведенный условиями трудового контракта короткий отпуск увидеть и сфотографировать как можно больше всего занимательного, чтобы затем похвалиться перед родными и знакомыми. Очевидно, что этот человек практикует путешествия иного рода и получает в их ходе особый опыт.

Ясно, что для появления такого снимка нужно было создать необходимые условия, которые не попадают в рамку и даже в чем-то противоречат идеологии, заложенной в этот образ. Снимок был сделан кем-то, кто не позволял нашему созерцателю остаться в необходимом для самоуглубления одиночестве. Кроме того, этой фотографии никогда не было бы, если бы современные технические средства не позволяли нам производить снимки прекрасной «вечности». И, в конце концов, кто-то должен был привести фотографа и его модель в это удаленное место. В исследовании нас будут интересовать аспекты современных практик путешествий, производящие тот опыт, символом которого служит описанный тип фотографий. Мы собираемся рассказать о людях, приводящих созерцателей туда, где они погружаются в состояния и процессы, которые не так просто выразить средствами секулярного языка, но можно без риска быть непонятым определить как «погружение в поток энергии». Кстати, эти красивые снимки зачастую делают как раз те специалисты, кто привел созерцателей в эти места, показал ту точку, где их сидение или стояние будут выглядеть максимально визуальным убедительным, и кто, естественно, остался по ту сторону объектива.

Хотя путешествия, рождающие подобные снимки, имеют как минимум полувековую историю и в специальной литературе лет двадцать фигурируют под названием «духовный туризм», это пространство потребления далеко не везде прозрачно и прагматично структурировано. Иногда оно последовательно трансформируется в сторону создания и продвижения легко узнаваемого потребителем продукта, предлагаемого специали-

зирующимися на его производстве предпринимателями. Однако где-то этот рынок развивается, используя ресурсы уже имеющихся в этой сфере структур, которые специально для него не были предназначены. Цель нашего исследования — анализ отдельных аспектов процесса, который можно определить как приход духовного туриста туда, где его в общем-то не ждали и не привыкли обслуживать, туда, где работу туристической индустрии определяет давно сформировавшаяся инфраструктура в виде объектов размещения, транспорта или снабжения специальным оборудованием.

В качестве важной составляющей этой инфраструктуры выступают проводники, обеспечивающие путешествия к давно знакомым им географическим объектам. В сложившейся ситуации они сталкиваются с тем, что новые туристы, с которыми им нужно работать, ведут себя несколько странно. Они не едят многое из того, что должны есть люди, направляющиеся в многодневные походы, не обладают необходимыми для прохождения таких маршрутов навыками и экипировкой, но самое главное, они имеют обыкновение приписывать местным объектам неизвестные проводникам смыслы. Другими словами, эти «гости» привозят с собой то, что обычно производится «хозяевами», местными людьми, причастными к локальному знанию. И «хозяевам» приходится с этим что-то делать.

Нашими главными героями будут проводники, которые живут в Мурманской области и водят группы туристов, приезжающих посетить одну из самых популярных в этом краю локаций — Сейдозеро. Им приходится работать с разными типами путешественников, но в последние полтора десятилетия среди их гостей все больше именно тех, кто ищет в этих местах возможность получить новый духовный опыт. Духовные туристы обычно отправляются на Кольский полуостров не через туристические агентства, а самостоятельно, сами находят себе проводников из местных жителей, а проводники получают в качестве клиентов людей с непривычными для них запросами, ожиданиями и привычками.

В классическом труде по социологии туризма Дина Макканелла [MacCannell 1999 (1976)] одной из главных тем стала работа с потребностью в аутентичности, которую испытывает турист и которая собственно и заставляет его покидать дом и отправляться в путешествие. Путешественник исходит из того, что аутентичность присуща тому месту, куда он едет. Сейчас для нас очевидно, что во многом эту аутентичность в виде основных характеристик ее фрейма турист привозит с собой. Так, фрейм «романтического ориентализма» [Lopez 1995: 261] заставляет представителя западной культуры видеть

такие места, как Индия, Бали и некоторые части Южной Америки в качестве более аутентичных, наполненных вневременными традициями, пропитанных непреходящей сакральностью и духовной мудростью, чем место его постоянного обитания. При этом от представителей этих культур обычно ожидается соответствие тем образам, которые созданы для них на Западе, будь то образы благородных дикарей, носителей древних знаний или прирожденных мистиков-сенсуалистов [Ivakhiv 2007: 267].

Но какими бы ни были ожидания приезжих, социальный контракт, на котором строится туристическая индустрия, предполагает, что принимающая сторона должна активно участвовать в наполнении подобных фреймов локальной фактурой. Для того чтобы это происходило, существенно, чтобы действия выполнялись авторизованными агентами. Другими словами, важным фактором производства аутентичности оказывается публичная (или даже рыночная) идентичность тех, кто за это отвечает, т.е. местных. В нашей работе мы сталкиваемся с особой ситуацией. Здесь фактура для заполнения фрейма привозится туристами. «Местные» же, как мы увидим, хотя и чувствуют определенную нелегитимность подобного импорта, понимают, что сами являются не настолько местными, чтобы соответствовать тем требованиям к аутентичности, которых, как им кажется, от них ждут приезжие. Эта неуверенность в собственной аутентичности может объясняться как специфичностью опыта переживания связи между собой и прошлым Кольского полуострова, имеющегося у многих современных жителей области, так и особой репутацией самого интересного в этом крае для духовных туристов локуса — Сейдозера. Дело в том, что такая репутация в глазах людей, приезжающих издалека, формируется двумя основными генеалогическими нарративами — саамским и гиперборейским, безусловное право на каждый из которых не может быть усвоено проводниками. Об этих нарративах мы расскажем ниже.

Пытаясь показать, как справляются с этими обстоятельствами люди, водящие группы туристов на Сейдозеро, мы сначала рассмотрим духовный туризм как особую практику и объект исследования, иллюстрируя некоторые мысли высказываниями о таких путешествиях, взятыми из социальных сетей. Затем подробнее остановимся на Сейдозере как туристической дестинации. После этого речь пойдет о нашем главном предмете — о том, как местные проводники, водящие группы на Сейдозеро, видят и понимают смысл своей работы с духовными туристами, которых, конечно, они так не называют, прибегая к более простым, хотя пока еще не устоявшимся определениям.

Духовный туризм и места силы

В то время как паломничество и религиозный туризм уже давно привлекают академический интерес, духовный туризм остается достаточно новой областью исследований. Духовный туризм (*spiritual tourism*, как синоним в этом контексте используется и понятие *ню-эйдж туризм*) сначала привлек внимание специалистов как обособляющийся сегмент рынка и, следовательно, как поле практического применения знаний в области индустрии сервиса [Hooper 1994; Cogswell 1996]. Затем он стал объектом специальных этнографических исследований [Timothy, Conover 2006; Norman 2011], которые, впрочем, и сейчас зачастую сохраняют практическую составляющую, вообще характерную для области исследований туризма (*tourism studies*)¹. Отдельную исследовательскую линию духовного туризма выстроили социальные антропологи и религиоведы, изучающие *ню-эйдж* духовность и современное язычество [Rountree 2006; Ivakhiv 2007; Bernstein 2008; Bowman 2008; Dubisch 2015; Тютчев 2019; Butler 2020; Fotiou 2020; Ratia 2021]².

Алекс Норман, рассуждая о специфичности духовного туризма как отдельного вида путешествий, отличного от того, что называют паломничеством и религиозным туризмом, определяет его как «туризм, характеризующийся сознательным поиском духовной пользы, подразумевающим обращение к религиозным практикам» [Norman 2011: 1] или, в другом месте, как «туризм, который подразумевает осуществление осознанного проекта по духовному совершенствованию» (*a self-conscious project of spiritual betterment*) [Norman 2012: 20]. Для определения этого вида путешествий оказывается принципиально важным, что такие религиозные практики и места, где к ним можно приобщиться, не являются частью собственного культурного наследия туриста. Он отправляется в путешествие к чужим святыням, чтобы приобщиться к экзотичному для себя опыту, и все ради того, чтобы «заново открыть себя», что кажется ему невозможным или труднодостижимым в привычном социальном окружении. Так туризм становится способом осуществить индивидуальный «проект собственной личности» (*individual's 'project of the self'*) [Norman 2011: 196–198]. Другими словами, если, как справедливо утверждает Макканелл [MacCanell 1999: 91–92], практически любой турист занят поиском аутентич-

¹ Не будет преувеличением сказать, что изучение путешествий подобного типа методами *tourism studies* не только реагировало на трансформацию рынка туристических услуг, но и фактически способствовало формированию духовного туризма в качестве специализированного поля в этой области коммерческой деятельности.

² Работы Ани Берштейн и Евгении Фотиу посвящены так называемому шаманскому туризму, который стоит рассматривать как вариант *ню-эйдж*, или духовного, туризма.

ности, то духовный турист занят поисками аутичного себя. Американский социолог Нинг Ванг обращает внимание на этот момент, когда выделяет в качестве туристической аутентичности особого рода само-аутентичность (*self-authenticity*) [Wang 1999]. Дискурсивный продукт индустрии духовного туризма полон обещаниями обеспечить потенциального клиента средствами для пробуждения его настоящего «я», восстановления с ним необходимой связи. Подобные путешествия должны, как сообщает один из путеводителей, «помочь нам пробудиться от долгой дремы забытья» и, например, «позволить нам восстановить полную память о нашем космическом и духовном происхождении» [Ivakhiv 2007: 278–279]. В качестве классического места, в котором нужно искать потерянного себя, зарекомендовал себя, конечно, Тибет [Лехти 2022: 21], но сейчас это делают в целом ряде других мест, в том числе на Кольском полуострове.

Тема поиска себя отразилась, например, в названии путевого очерка одного из путешественников — «Путь к себе или Путешествие на Сейдозеро» — и в описании психологической подготовки к походу, придающем общую интерпретационную рамку для полученного в нем опыта с помощью фраз о «себе» и «чем-то своем»: «Дальше ехали молча. Каждый думал о чем-то своем, чем не хотелось делиться с другими, наверное потому, что то, о чем думал[,] предстояло еще осознать и понять самому»¹. Еще одной иллюстрацией этого упования служит образ «движения домой», исключительно важный в дискурсивном формировании смыслов подобных путешествий. Вот как описывается опыт пребывания на Сейдозере одним из искателей мест, где можно достигнуть «измененного состояния души»: «Озеро на грани... вечности и мимолетности, неба и земли, между тем, что осознаешь и тем, что спрятано, на границе чего-то большего, чем привычно воспринимать. <...> Пришел домой... все просто и совершенно, спокойно и гармонично»². Стремление к поиску и обретению своего метафизического дома (и себя самого) вдалеке от своего дома физического указывает на принципиальное родство этого вида путешествий с паломничествами в традиционных (вернее, считающихся традиционными в силу своей предполагаемой и во многом мнимой стабильности) религиях [Кормина 2019:

¹ «ВКонтакте», статья «Путь к себе или путешествие на Сейдозеро», фрагмент «из отчета экспедиции Валерия Никитича Демина» от 17 августа 2021 г. <<https://vk.com/@jarisvet-put-k-sebe-ili-puteshestvie-na-seidozero>>. Характерен девиз автора статьи, указанный на его личной странице «ВКонтакте»: «Энергия Солнца — Пробуди Родовую Память — Наше Наследие в Нас» <<https://vk.com/jarisvet>>.

² «ВКонтакте», группа «С вольным ветром», запись от 26 мая 2020 г. <https://vk.com/club163824740?w=wall-163824740_61%2Fall>.

49–51]. Эти поиски заканчиваются для некоторых искателей тем, что они остаются в тех местах, где нашли свою истинную родину [Кормина 2019: 123].

Неудивительно, что место, где человек надеется встретиться с самим собой и восстановить полноту своей поврежденной или «недостроенной» личности, должно обладать той самой аутентичностью, способной в силу самой своей подлинности спасти человека от действия сил, которые можно с большой долей условности назвать силами модерна. Эти силы осознаются как принуждающие современного человека к принятию определенных аксиологических установок и связанных с ними жизненных сценариев, разрушающих его подлинную личность. С этой точки зрения вполне логичным выглядит стремление покинуть то пространство, где эти силы обладают практически безраздельной властью — позднемодерный (западный) город с его неолиберальным экономическим и административным укладом. Понимаемый и проживаемый как место, где нет физической и духовной чистоты, но царствуют притворство, искусственность, бесконечная изменчивость и мнимая рациональность — атрибуты модерна, этот город оказывается полностью лишен аутентичности, искать которую отправляются духовные туристы. В подобных поездках важнейшими дестинациями оказываются пространства (или точки), которые часто называют местами силы. Это, по определению одного путешественника, «другое пространство, где царит мир, порядок»¹. Способность подобных мест выводить человека из-под власти мира модерна красноречиво описано специалистом по космоэнергетике Вальдемаром Шубиным:

*Есть такие места на Земле, где социальные энергии не имеют силы над вами, где душа человека приобретает такую уверенность, что нельзя ее ничем сломить, где страх покидает вас, и вы забываете, что в мире есть такое чувство — чувство страха. Это такое состояние души — когда ты есть, а внутри такая умиротворенность, что тебя нет. Ущипни себя в это время и боли не почувствуешь. Когда выпадают из вашего сознания такие понятия[,] как ненависть, зависть и т.д., когда нет страха перед завтрашним днем и вообще нет ни завтра, ни вчера, когда ты есть только в ту минуту, секунду, мгновение, когда включаешь свое намерение что-то творить. Рай Земной[,] он в тебе!*²

¹ «ВКонтакте», запись «Наследие Гипербореи» о походе на Сейдозеро на личной странице инструктора по энерготерапии от 11 апреля 2021 г. <https://vk.com/wall17220183_23179>.

² «ВКонтакте», группа «Место силы. Карелия. Сейдозеро», запись от 11 февраля 2017 г. <https://vk.com/club139990580?w=wall-139990580_3%2Fall>.

Другой автор, приглашая читателей своей страницы присоединиться к поездке на Сейдозеро, выразил идею выхода за пределы социального пространства позднего модерна, которое разрушает человека и отчуждает его от самого себя, еще более поэтично: «Приезжайте продышаться Северной чистотой, повыхаживать из себя все лишнее, побыть наедине с природой и самим собой, окунуться в совсем другой мир и наполниться волшебством и ощущением оторванности от обыденности»¹.

Вообще говоря, локусы, посетить которые стремятся духовные туристы, обычно интересны для многих путешественников, в том числе и для тех, кого по разным причинам трудно отнести к разряду духовных. Их приводят туда интерес к истории, культуре других стран и народов, желание увидеть волнующие воображение ландшафты, насладиться местными гастрономическими специалитетами или, скажем, порыбачить. Одной из самых распространенных мотивировок для таких путешествий можно признать потребность побыть там, где нет надоевших суеты и шума, т.е. в «другом пространстве». Часть путешественников стремится испытать свою физическую силу и выносливость, чтобы «заслужить» моральное право находиться в таких местах и получить своеобразное удовольствие от опыта пребывания в далекой от привычной жизни обстановке. Эта обстановка воспринимается и презентуется ими в терминах аутентичности — культурной и/или природной. Такие туристы тоже не чужды переживания своего опыта как раскрытия собственного потенциала и обретения подлинного знания о себе и других.

Если на время отложить в сторону такой важный в других обстоятельствах аспект путешествий, как путь к месту назначения, можно сказать, что точки на карте, притягивающие внимание туристов, должны иметь репутацию объектов, издавна существующих в максимально немодерном географическом и социальном пространстве, а потому гарантированно стабильных и сопротивляющихся трансформационным силам современности.

Эта репутация во многом и порождает места силы, которые, заметим, могут не получать признания со стороны не-духовных туристов. Они тоже могут стремиться к самотрансформации, хотя бы временной, рекреационной, но могут настойчиво сопротивляться «духовным» интерпретациям самого путешествия и его дестинации (как раздраженно сказал один рыбак, отвечая на вопрос, зачем он пришел на Сейдозеро, «я не как эти, я сюда

¹ «ВКонтакте», запись на личной странице от 22 июня 2022 г. <<https://m.vk.com/id75053157?own=1>>.

просто отдохнуть приезжаю»). В подобных случаях мы можем говорить о том, что у многих мест есть две аутентичности или, как сказали бы некоторые эзотерики, два тела — материальное и энергетическое. Первое общедоступно и востребовано всеми путешественниками, второе, «энергетическое», — только духовными. Впрочем, жестко определить границу между двумя фреймами аутентичности бывает непросто, хотя в своих крайних проявлениях позиции, их порождающие, выглядят как антагонистические. К примеру, тишиной, царящей в горах Алтая, могут наслаждаться все, почти все могут репрезентировать этот опыт в терминах энергетической подзарядки, подразумевая, что это хорошая метафора для процесса физической рекреации, но лишь «духовные» будут воспринимать такую подзарядку буквально и использовать особые техники для оптимизации этого процесса.

В создании репутации того или иного места как аутентичного особую роль играет образ древних исчезнувших и индигенных (а потому тоже по определению древних) народов, которые предстают в этом контексте как посредники между природой и подлинным «я» человека позднего модерна. У духовных туристов специфичность историко-этнографического интереса к фигуре древних и коренных народов проявляется в том, что они стремятся найти «в духовности и традициях коренных народов ту подлинность» [Cusack 2021: 81], которая была бы созвучна идее «единства человечества и природы, а также <...> того, что земля и космос являются живыми и сознательными» [Timothy, Conover 2006: 142]. С этой точки зрения идеальными объектами интереса для туристов будут те, в которых природные ландшафты соединяются «с прошлым коренных народов и эзотерическим настоящим» [Coats 2011: 198]¹. Эти локусы представляют собой пространство воображенного «антимодерна», вмещающее все, что считается противопоставленным современному Западу — «духовное, священное, природное, традиционное и вневременное» [Fotiou 2020: 384]. Кроме того, территории, связанные в воображении духовных туристов с древней историей или даже доисторическими временами, служат своего рода «местами реального человеческого потенциала» [Dubisch 2015: 146]. Они содержат в себе сообщение о возмож-

¹ В роли подобных мест силы зачастую выступают знаменитые археологические памятники. В России хорошо этнографически описано паломничество к таким местам силы, как городище Аркаим [Свешников, Свешникова 2008; Белолипецкая 2010; Шнирельман 2011; Куприянова 2014] и омская деревня Окуново, репутация которой тоже во многом основывается на близости к ней ряда археологических объектов [Senina 2021] (в этой работе можно найти анализ других этнографических исследований по данной теме). Любопытно, что если духовных туристов (они же нью-эйдж паломники) привлекают как природные объекты, так и культурные памятники, то антропологам интересны паломничества почти исключительно ко вторым.

ности человека быть не тем, кем он является сейчас, а кем-то принципиально более могущественным, мудрым и, главное, способным находиться в состоянии гармонии с собой и природой (вселенной), т.е. тем, кем были предполагаемые обитатели этих мест, следы пребывания которых в виде материальных объектов или духовного наследия, например воплощенного в топонимах, доступны для современного путешественника. Сейдозеро идеально соответствует таким запросам и ожиданиям.

Подобные объекты, конечно, не производят свою репутацию самостоятельно, хотя их «технические характеристики», такие как транспортная доступность (или недоступность), влияют на их привлекательность в глазах путешественников. Образы таких локаций создаются туристами и для туристов. Этот процесс определяется как некоторыми общими глобальными тенденциями, существующими на данном рынке (например, устойчивой привлекательностью мегалитических памятников¹), так и творческой энергией местных предпринимателей, которые порой активно взаимодействуют с властными структурами и общественными организациями, в том числе этническими, а порой сознательно и последовательно избегают этих контактов. Однако степень инициативности (или маркетинговой агрессивности) всех этих игроков на рынке аутентичности для туристов не стоит переоценивать. Часто они оказываются интеллектуально и инфраструктурно зависимы от практик обслуживания путешествий, которые сложились до того, как в том или ином социально-географическом пространстве появился и/или определился в качестве особой потребности запрос на посещение мест силы, т.е. до того, как туда пришли духовные туристы. Но прежде чем обратиться к этой проблематике, мы расскажем чуть подробнее о Сейдозере как месте силы и его месте на туристической карте Мурманской области и в пространстве российского духовного туризма.

«Священное озеро Сейд»

Несмотря на то что Мурманская область — довольно суровое место, ее все чаще посещают многочисленные туристы из разных частей России и других стран. Приводят их туда разные устремления и интересы — от горнолыжного спорта до промышленного туризма. Интернет изобилует рассуждениями о том, что Мурманская область входит в число тех редких мест в Рос-

¹ О практиках современного паломничества к мегалитам см.: [Blain, Wallis 2004; Андреева 2014; White 2014; Тютчев 2020].

сии, где человек чувствует себя по-особенному¹. Сейдозеро — одна из самых известных подобных туристических дестинаций области.

Озеро находится на высоте 189 м над уровнем моря в Ловозерских горах. Его длина 8 км, ширина от 1,5 до 2,5 км. Живописно расположенное среди невысоких гор, доступное для пешего путешественника, но при этом находящееся вдали от больших дорог и населенных пунктов, оно привлекает туристов разных типов. Кого-то из приходящих сюда, кажется, мало заботит статус Сейдозера как одного «из самых загадочных, мистических, обвеянных множеством легенд и загадок мест»². Но все же известность озера за пределами Мурманской области основывается на упомянутых выше нарративах, связанных с его прошлым — саамским и гиперборейским. В каждом конкретном повествовании они могут дополнять и усиливать авторитет друг друга, но могут и конкурировать вплоть до того, что один будет представлен как вторичный, несущественный и даже фиктивный.

Репутация Сейдозера как особого почитаемого коренными жителями этого региона локуса начала формироваться по крайней мере с конца XIX в. В материалах о первой финской экспедиции в 1887 г. в Ловозерские горы мы встречаем указание на то, что озеро Seitjaug названо в честь саамского святого места³. Тогда же была сделана первая фотография главной достопримечательности этих мест — скалы, на которой расположено огромное пятно, обычно трактуемое как изображение великана Куйвы⁴. Позже один из участников экспедиции Петтери Кеттола в интервью писателю и журналисту Вилле Муилу рассказывал: «Никто не возвращался оттуда. Многие пытались. Мертвые там управляют, они варят живущих в своих каменных горшках. Там существуют огромные каменные строения. Там они держат огни в своих руках. Позади озера внутри болот существуют жилища этих древних людей, которые не могут быть убиты» [Лихачев, Йохна 2018: 59]. Фотографии Куйвы и сюжеты, связанные с Сейдозером, встречаются у многих исследователей, посещавших его в начале XX столетия [Hallström 1922] и позднее. Для примера приведем описание Сейдозера, сделанное

¹ Кольский полуостров — магнит для истинных путешественников // Mishka.Travel. <<https://mishka.travel/blog/index/node/id/1416-kolskii-poluostrov-magnit-dlya-istinnih-puteshestvennikov/>>.

² Сейдозеро — легенды // Карелов мир: туры по Карелии. <<https://xn----7sbgrlhjkrh.xn--p1ai/karelia/monastyri/kolskij-poluostrov/cejdozero-mistika-i-realnost/>>.

³ Suuren Kuolan retki 1887 // Tutkijoiden lappi. <<http://www.kirjasto.oulu.fi/lapinkuvat/kuola87/teksti>>.

⁴ Suuren Kuolan retken (1887) kuva-albumi: Kuamdeskpahk 24.7.1887 // Tutkijoiden lappi. <<http://www.kirjasto.oulu.fi/lapinkuvat/kuola87/15#content>>.

геологом А.Н. Казаковым в 1949 г.: «Названия культовые и исторические неразрывно связаны между собой и территориально группируются вокруг оз. Сейдъявр. Такое распределение их не случайно. Сейды (предметы древнего саамского культа, покровители охоты и рыболовства у древних саамов) — не только культовые памятники, но и памятные места, вокруг которых сгруппировались и фольклор, и обширный героический эпос» [Казаков 1949: 302].

Репутация Сейдозера как места силы стала формироваться благодаря усилиям участников экспедиции, которая работала в Ловозерских горах в начале 1920-х гг. под руководством физиолога, беллетриста и мистика А.В. Барченко [Андреев 2002; Андреев, Бережков 2006]. Именно эта экспедиция заложила основу нарратива о том, что каменные образования, находящиеся около Сейдозера, суть руины исчезнувшей цивилизации, которая древнее всех известных официальной истории. В конце 1990-х гг. философ, писатель и увлеченный исследователь арийских древностей Валерий Демин, вдохновленный опубликованными в 1920-х гг. в советской печати рассказами участников экспедиции Барченко, организовал большую экспедицию для поисков арктической прародины человечества и привлек к региону внимание людей, интересующихся альтернативными знаниями и духовностью [Шнирельман 2015: 470–487]. Этим Демин сделал для Сейдозера то же, что Владимир Мегре — для дольменов Краснодарского края [Андреева 2014]. Разыскания Демина и его соратников во многом изменили образ этого локуса как места силы. Роль саамов как естественных носителей аутентичной информации о нем стала иной. Они не ушли из общей картины, но оказались в роли невольных и непрямых наследников чего-то непостижимо великого, до- и несаамского, того, что известно среди ценителей альтернативной истории под именем Гипербореи.

Сегодня можно с большой степенью определенности говорить о том, что популярность Сейдозера растет среди тех, кто ищет места силы в надежде обрести недоступный в обычных местах пребывания человека духовный опыт и наполниться особой энергией. Частое упоминание энергии в рекламных текстах, несомненно, должно привлекать духовных туристов, так как для дискурсивной культуры нью-эйдж это понятие является, по словам Адриана Ивахива, «своего рода концептуальным клеем, который связывает альтернативные и незападные физико-медицинские теории, идеи, унаследованные от спиритизма конца XIX — начала XX в. и метафизической религии, лексику гуманистической психологии и психологии сознания после 1960-х гг., а также воображаемое будущее, в котором передовые технологии примиряются с земной и космической экологией» [Ivakhiv

2007: 277]. О том, что это именно то место, которое нужно духовному туристу, можно узнать из многих источников. Например, на сайте «Самопознание.ру» можно прочесть, что «путешественники отмечают положительную энергетику озера — здесь быстро восстанавливаются силы, а на душе воцаряются покой и умиротворение»¹. А вот так привлекает клиентов один из независимых проводников, пишущий на своей странице «ВКонтакте» о пребывании на Сейдозере следующее: «Когда из мира ума начинаешь возвращаться к себе — запах разогретой солнцем тундры, причудливый театр облаков, зеркальная тишина после штормового ветра, бескрайняя даль на вершине горы — как двери природного храма, ведущие к тишине и спокойствию»². Такие характеристики туристического объекта выглядят сегодня вполне привычно и отсылают подготовленного читателя к области духовных знаний и практик, которые часто определяются как эзотерика и/или нью-эйдж с почти неизменными для них отсылками к альтернативной истории и медицине. Впрочем, сразу нужно сказать, что модальность подобных рассуждений очень часто регулируется таким образом, чтобы в них можно было увидеть не эзотику, а пейзажную лирику.

Вообще говоря, умение выбрать правильную тональность довольно важно для формирования привлекательного образа туристической дестинации. Мы обратили внимание, что столь привлекательное для духовных путешественников-эзотериков место редко входит в пакет предлагаемых региональными туристическими фирмами услуг. Когда одна из них попыталась реализовать тур со словом «эзотерика» в названии, он не продан. Очевидно, здесь была допущена маркетинговая ошибка — само слово «эзотерика» в глазах большинства, включая и тех людей, которые становятся духовными туристами, выглядит резко оценочным, стигматизирующим людей и практики, к которым оно прилагается. Вот вполне характерный пример:

Сейдозеро — настоящая Мекка для различных сектантов, эзотериков и прочих любителей паранормального. За последние сто лет здесь «находили» разрушенные ядерной войной цивилизации, инопланетные космодромы, нацистские базы и многое другое. Про всякую мелочь вроде снежных людей и говорить не приходится»³.

¹ Места силы: Сейдозеро // Самопознание.ру: Путеводитель по тренингам. <https://samopoznanie.ru/sacral_areas/seidozero/#ixzz67vCCJm3>.

² «ВКонтакте», группа «С вольным ветром», запись от 11 июня 2021 г. <https://vk.com/club163824740?w=wall-163824740_69%2Fall>.

³ «ВКонтакте», статья Георгия Дзенисова «Что скрывает Сейдозеро?», 18 апреля 2020 г. <<https://vk.com/@907338-что-скрывает-seidozero>>.

Остальные участники рынка, предлагающие подобные путешествия, более осмотрительны в выборе лексики. Они понимают, что их предложения должны заинтересовать потенциального клиента мистической экзотикой, но не предлагают при этом ему разделить идентичность, включающую в качестве необходимой составляющей, с точки зрения большинства, чужаковатость на грани асоциальности¹. Вот чем пытается привлечь на Сейдозеро большой туристический агрегатор Double Travel, ориентированный на широкую публику:

Экскурсия на Сейдозеро из Мурманска — это путешествие, которое погружает в атмосферу тайн и легенд древних народов, населявших Кольский полуостров. На берега мистического озера приезжают посмотреть сотни туристов со всей страны, чтобы насладиться живописной природой, услышать множество интересных легенд, окружающих священное озеро <...> путешественники узнают о древних народах, населявших центральную часть Кольского полуострова, их образе жизни и необычных традициях².

Объявление местной фирмы составлено в близких выражениях. Оно оставляет читателю и потребителю предлагаемого продукта возможность держать «эзотерику» на определенном расстоянии («они называют [эти места] “местами силы”, «говорят») и показывает туристического оператора как транслятора порожденных другими нарративов, но ни в коем случае не как их автора.

Предлагаем программу пешего похода в горы, по магическим местам силы, где под руководством гида вы пройдете около 50 км и увидите уникальные природные памятники. Туристический маршрут проходит по изумительным по красоте местам Кольского полуострова — лесотундре, вдоль чистейших северных рек и озер, водопадов, по горам «Ловозерских Тундр», высота которых редко превышает 1000 м. Побываете в таких местах, которые одни называют «местами силы», другие — «мистическими центрами», третьи — «зонами просветления». После посещения таких мест, говорят, человек заряжается положительной энергией и более оптимистично смотрит на мир³.

¹ На то, что путешественники к местам силы избегают того, чтобы к ним применяли определения, ассоциирующиеся для большинства с социальной маргинальностью, уже обращалось внимание [Dubisch 2015: 146]. Специалисты по туристической индустрии прямо советуют тем, кто работает на рынке путешествий к местам силы, не использовать термин “New Age” для «маркировки» своего продукта [Pernecky, Poulston 2015; Stankov et al. 2021].

² Экскурсия на Сейдозеро из Мурманска. <<https://double-travel.ru/tour/ekskursiya-na-seydozero-iz-murmanska/>>.

³ Отдых на Кольском полуострове: экологический туризм, пешие походы в горы и туристические маршруты по магическим местам силы // Lovozero.ru. <http://www.lovozero.ru/tours.phtml?item_id=1864>.

Получается, читатель сам может выбирать, верить ему, скажем, в то, что это все — места силы, или нет. Если не поверит, этим он не выкажет сомнения в правдивости и недостаточной критичности того, кто предлагает ему отправиться в путешествие. Еще откровеннее предлагает клиенту выбрать самому варианты трактовок Сейдозера как туристического объекта объявления, размещенное в социальной сети «ВКонтакте». Проводник из г. Кандалакши Мурманской области знает, что информация об остатках древней цивилизации, часто интересующая духовных туристов, может приветствоваться не всеми путешественниками. Он прямо говорит, что в случае отсутствия соответствующего запроса тему этой второй «аутентичности» Сейдозера в ходе путешествия можно будет не разрабатывать:

В походе Вас будет сопровождать опытный проводник, имеющий стаж путешествий по Ловозерским и Хибинским тундрам более пятидесяти лет. По вашему желанию он подробно расскажет о геологической истории этих мест, о своеобразном животном и растительном мире Сейдозера, о древнем народе саамов, уже несколько тысячелетий населяющих и хранящих эту землю. Кроме того, для тех, кому это будет интересно, он расскажет о сакральной истории этих мест. Вы посетите остатки древней обсерватории, увидите таинственное озеро Райявр и другие места, связанные с протоцивилизацией, известной многим под названием Гиперборея¹.

Как понятно из приведенных примеров, поездки и походы на Сейдозеро довольно хорошо представлены на рынке туристических услуг. Их предлагают большие сервисы бронирования туров, работающие с тысячами местных операторов по всему миру. Естественно, их организуют региональные туристические фирмы, для которых Сейдозеро — одно из популярных местных направлений, наряду, например, с Териберкой и Дальними Зеленцами. Они входят в список предложений небольших компаний и проводников, которые специализируются на организации посещений локусов с репутацией мест силы. Например, в расписании поездок, размещенном хозяйкой одной московской фирмы под названием «Места силы», Сейдозеро соседствовало с популярными у российских духовных туристов Аркаимом и Хакасскими Сундуками². А в «календаре походов» проводника из Уфы на 2022 г. помимо «Шаманского Сейдозера» в качестве направлений указаны горные озера Алтая, гора Манарага на Приполярном Урале и несколько других мест. Кстати, это один

¹ «ВКонтакте», группа «Путешествие на Сейдозеро», запись от 1 октября 2018 г. <https://vk.com/seidozero_kp?w=wall-169961322_30%2Fall>.

² «ВКонтакте», запись на личной странице от 18 декабря 2020 г. <https://vk.com/wall62281275_1992>.

из немногих проводников, водящих на Сейдозеро, кто иногда называет организуемые им путешествия паломничествами и в своих презентационных текстах последовательно показывает себя колоритным ньюэйджером (или, лучше сказать, искателем истины) и одновременно сталкером — проводником, выполняющим функции духовного наставника¹.

Таким образом, Сейдозеро становится все более популярным объектом среди духовных туристов и входит в топ российских мест силы. И хотя на рынке достаточно предложений по организованным поездкам, многие предпочитают добираться до Сейдозера, не используя услуги фирм или заранее им известных проводников. Кому-то неудобны даты таких поездок, кто-то старается ускользнуть от жесткого информационного сопровождения поездок, которое характеризует стиль некоторых «сталкеров». Так или иначе на Кольский полуостров приезжают люди, которым требуются проводники на нужное им место силы среди местных специалистов, обладающих значительным опытом сопровождения групп, но не привыкших работать с туристами подобного типа. Эти проводники понимают, что их гости ищут какую-то свою аутентичность Сейдозера, к которому много лет сами проводники ходили в походы, не зная или не думая ни про Гиперборею, ни про саамских шаманов или про что-то еще, что составляет портрет (или пейзаж) Сейдозера как места силы.

[Речь идет о знакомом нашему собеседнику проводнике] *И там вот Гриф, что ходил, он, говорит, там постоянно странных людей находит, которые одеты не по-туристически. То есть они с рюкзаками, но во всяких феньках, вот в этих индийских штанах, то с точками [на лбу]. Вот, выглядят как кришнаиты. Вот таких встречали они. Какую-то женщину, которая гигантский рюкзак, говорит, попросила ей закинуть. Мы, говорим, его только подняли пока, он по колено в грязь ушел. А она его накинула, сказала: «Спасибо» — и побежала, босиком, с браслетами на ногах [Анка]².*

В дальнейшем изложении мы будем использовать понятия «туризм» и «туристы» в двух значениях. В одном случае мы

¹ *Я провожу человека туда, куда ему надо. Все! Точка. Да, по ходу пьесы, может случит[ь]ся китайская чайная церемония. Возможно, еще до утреннего подъема всей группы, я варю черный пуэр в специальном чайнике, для самых ранних пташек. Играю на варгане у ночного костра. Рассказываю дикие байки, в которых часто уже сам не понимаю, где явь смешалась с навью. Фотографирую и готовлю вечерние снадобья для знакомства с собой и священной Медициной Растений. И еще что-то, о чем я прямо сейчас не припомню. <...> Я веду человека туда, где само пространство и путь его трансформируют. Я веду человека в паломничество, и развлечение — это побочный продукт Пути («ВКонтакте», запись на личной странице от 27 августа 2021 г. <https://vk.com/ruslantaiga?w=wall133407904_5842%2Fall>).*

² Имена всех информантов изменены, другие данные о них приведены в списке в конце статьи.

говорим о туризме спортивном, который может быть профессионализирован, хотя чаще остается «туризмом выходного дня», т.е. составляет органичную часть обычной жизни. Во втором случае мы имеем дело с «туризмом отпуска», который практически невозможно сделать профессиональным, т.к. он принципиально противопоставлен повседневной жизни [Graburn 1977]. И хотя некоторые туристы второго типа пытаются осмыслить свой опыт путешествий в терминах труда, труд этот обычно оказывается внутренним, эмоциональным. Разумеется, всегда кто-то будет предпринимать последовательные попытки превратить свои периодические поездки в «непрерывный отпуск», но на практике у таких путешественников либо останется другая, «настоящая», работа, либо они станут частью туристического бизнеса.

Проводники

Для того чтобы понять, как в настоящее время презентуется Сейдозеро приезжим духовным искателям, мы поговорили с проводниками, которые работают в сфере горного туризма. Среди наших информантов два профессионала, имеющих специальное образование, — инструктор-проводник по горному туризму и инструктор по альпинизму. Один проводник имеет удостоверение о повышении квалификации по специальности «гид, организация мероприятий природного (экологического) туризма». Шестерых информантов мы назвали в списке, приведенном в конце статьи, «полупроводниками», так как они водят по маршрутам, не имея соответствующего образования, и хотя получают от этой деятельности некоторый доход, от него не зависят или занимаются «проводничеством» время от времени, т.е. участвуют в этой деятельности по большей части на волонтерских началах, берут туристов «по пути» и в основном за символическую плату. Кроме того, в дальнейшем изложении мы будем использовать цитаты из интервью с двумя информантами, которые не являются проводниками, но при этом имеют опыт взаимодействия с интересующим нас типом туристов. Всего было опрошено 11 человек, все они проживают в Мурманской области.

И проводники, и «полупроводники» по-разному определяют свои функции и, отталкиваясь от этого определения, выводят свое «называние»:

Я проводник, иногда зовут «полупроводник», потому что, когда веду друзей в походы, могу позволить себе вольность поменять, удлинить, срезать маршрут. Кто как себя зовет. «Гид по Хибинам» тоже встречается. Но для меня гид — это когда с экскурсией, познавательный поход, а когда красоту смотреть и силу испытывать ведешь — это проводник [Анка].

Сравним это с другим опытом самоидентификации:

Мне все-таки больше нравится «гид» слово. Да. То есть вообще мое образование — это инструктор по горному туризму. Вот, и тренер, соответственно. Но когда ты тренер, ты больше проводишь теоретические занятия, практические занятия, чтобы все нюансы, все азы <...>. Гид — это человек, который берет на себя ответственность только за то, чтобы показать, рассказать, как правильно туда добраться, как что сделать. Проконтролировать все процессы, приготовление пищи, установки палатки, но не делать это самому, а именно контролировать и подсказывать [Кира].

Один проводник сказал, что он себя никак не называет:

Никак не называю. Ну просто это как? Шабашка! Я знаю хорошо горы. Я знаю там... знаю все эти бивачные дела. Всю жизнь, можно сказать, путешествую. Для меня это норма жизни. Кому-то это в диковинку [Станислав].

В конце интервью этот наш собеседник определил себя как проводника, хоть и непрямо, когда сказал, что деятельность проводника он постепенно завершает, потому что в связи с получением новой работы у него на это не остается времени. Обратим внимание на фразу «норма жизни», которая свидетельствует, что путешествия для проводников — это часть их повседневности.

Степень и формат ответственности за тех, кого предстоит вести, не является чем-то конвенционально заданным. Девушка-гид, например, видит свою основную функцию в том, чтобы показать и рассказать, как и что надо делать, но при этом не совершать этого самой. В то же время другой проводник свою главную задачу видит в обеспечении безопасности членов похода.

Соб.: *А откуда они приезжают, люди?*

Инф.: *У меня девяносто процентов — это Москва-Питер. Даже больше Москва. Ну потому что у людей есть деньги.*

Соб.: *То есть гид — это высокооплачиваемая профессия?*

Инф.: *Ну так я обеспечиваю их сохранность. Да.*

Соб.: *А каким образом обеспечивается сохранность?*

Инф.: *Собственным профессионализмом <...>. Я как викинг с копьем. Бегаю вокруг них и обеспечиваю безопасность [Антон].*

Тот же проводник называет ведомого им туриста клиентом. Это слово отсылает нас к терминологии индустрии сервиса. Через подобное словоупотребление проводник представляет туристов как людей, которые нуждаются в том, чтобы он как профессионал о них заботился или, другими словами, оказывал им услуги. Вероятно, выбор в пользу проводников, про которых заранее

известно, что они не занимаются духовным предпринимательством, связан с нежеланием пользоваться услугами «готовых» турпакетов или навязанных информационных услуг, о чем уже шла речь.

Наши собеседники редко сотрудничают с туристическими фирмами. Правда, если от турфирмы поступает запрос, они на него откликаются, но чаще всего клиенты выходят на гида сами.

В основном... ну, я перед летом даю какие-то объявления, что там есть возможность водить. А потом, когда я кого-нибудь свожу, начинается какое-то сарафанное радио, и-и-и на все лето хватает. <...>. Я ж каждый год вожу. Да, многие знают просто, что я вожу [Антон].

Все наши собеседники — члены тесно интегрированного сообщества. Люди, в него входящие, хорошо знают интересы и потенциал друг друга. Знают они и о том, по каким маршрутам водят группы их коллеги. В интервью неоднократно подчеркивалось, что проводники знакомы друг с другом, часто ходят в походы вместе, обмениваются опытом в альплагерях¹, совместно составляют маршрутные карты и охотно делятся ими в социальной сети. То, что нам было легко находить новых информантов методом снежного кома, подтверждает факт высокой сплоченности этого сообщества.

Очевидно, что проводники оказываются важным компонентом местной туристической инфраструктуры. Среди наших информантов было несколько человек, которые состоят в «Федерации спортивного туризма» — организационно-правовой общественной организации, имеющей свои устав и правила². В рамках этой организации создается и поддерживается инфраструктура «производства» спортивного туризма с его особой корпоративной идентичностью («когда красоту смотреть и силу испытывать ведешь»). В обязанности федерации входит, помимо прочего, подготовка кадров, включая повышение квалификации. Такие специалисты демонстрируют свое мастерство тем, что организуют походы и прорабатывают маршруты на весьма высоком профессиональном уровне. Кроме того, средства, заработанные этой деятельностью, составляют существенную часть их дохода.

В этой связи неудивительно, что проводники далеко не всегда разделяют те онтологические принципы, эпистемологические

¹ Альплагерь — постоянное или временное место для стоянки, в котором организован быт и созданы условия для проживания людей, совершающих восхождение на гору. Здесь имеется в виду в первую очередь место проживания, а не обучения, хотя второе не исключается.

² «Устав Федерации спортивного туризма России» <https://tssr.ru/files/materials/2276/stfr_ustav_compressed.pdf>.

техники и аксиологические ориентиры, которые формируют мир духовных туристов. Тем не менее они часто соглашаются провести клиентов к местам силы. Указывая на наличие дистанции между собой и духовными туристами, проводники в своих размышлениях апеллируют к некоей норме, которой те не соответствуют.

Один раз был [на Сейдозере] с туристами, но они все были нормальные [не «эзотерики»] [Камилл].

Самым типичным термином для обозначения туристов интересующего нас типа был «эзотерические туристы». Но, кроме этого, в речи проводников встречались такие определения, как «альтернативщики», «безумные туристы», «они не туристы», «неклассические туристы» и даже «фанатики». Употребление некоторых из этих порой густо аксиологически окрашенных характеристик сопровождалось пояснениями, в которых подчеркивалось своеобразие целей, стоящих перед такими путешественниками.

Инф.: *А в Хибинах вот нету такого понятия, как на Сейдозере — место силы. Все-таки в Хибиньы идут люди, которые любят поход в классическом понимании.*

Соб.: *А как назвать?*

Инф.: *У них разная цель. У туристов цель все-таки таскать рюкзак, устать, полюбоваться пейзажами. У людей, которые духовно развиваются, у них цель все-таки прийти до места силы. Посидеть там что-то там. Цель-то как-то развиваться духовно. Да, <...> люди на самом деле, в кавычках, «светятся». Бывает видно, что там человек очень такой... ну очень приятный, и по общению, и мысли у него такие чистые все. Мне попадались. Да, люди очень приятные [Антон].*

Как мы видим, отношение к духовным туристам у проводников может быть разным. Однако даже те, кто, кажется, готов по любому случаю демонстрировать свой скепсис по отношению к подобного рода путешественникам, обычно берутся за сопровождение таких групп. Другими словами, этот инфраструктурный механизм в целом работает, и начинается его функционирование с того, что проводник составляет маршрут.

Куда вести? Что показывать?

Составляя маршрут похода, гид должен определить для себя тип туристической группы и цель, которую ставят перед собой путешественники. От этого зависит, куда он их поведет.

Инф.: *Ну обычно я уточняю, сколько дней. Все-таки ограничение по времени всегда есть. Вот. И приблизительно куда. И цель*

похода какая. Поскольку у многих это поиск мест силы. Сейчас это больше пятидесяти процентов клиентов. Вот.

Соб.: А как ты понимаешь, что они вот пришли за местом?

Инф.: А они сразу, люди сразу говорят об этом. Они сразу говорят, что им надо. Что им надо посетить места силы. И консультируются по поводу того, где эти места силы находятся. Я им показываю карту местности, где у меня все уже помечено. На Сейдозере максимальный сгусток мест силы [Антон].

Часто выясняется, что клиенты сами точно знают, куда именно они хотят попасть.

А они сразу сходу спрашивают. Сходу. Они сразу так: «Нас интересует, там, вот, Сейдозеро. Это, говорят, ваше местное место силы». Вот либо так начинается разговор, либо: «Чего вы там сами чувствовали? Где, что, как?» Либо они уже конкретно знают. Они уже, там, обчитались сами. Так: «Нам нужен сейд, нам нужно Сейдозеро. Мы хотим пойти в поход, увидеть Сейдкамень», — и сами перечисляют тебе, че бы они хотели увидеть. То есть таких вот, именно эзотерической направленности, скажем, они как бы себя выдают сходу [Кира].

После того как определена дестинация путешествия, перед проводниками возникает вопрос, что конкретно показывать в месте силы (а перед туристами — что там конкретно нужно посмотреть). Иногда у проводников спрашивают об их собственных ощущениях от пребывания в этих локусах, пытаюсь использовать их опыт для определения самых сильных точек.

И поэтому задают очень много вопросов всегда типа, в том числе и до таких смешных вопросов типа: «На какой стороне Сейдозера вам, типа, более снятся такие более яркие сны? На той дальней, типа, или на северной, или на южной?» И ты такой [думаешь]: господи, ребята, обчитались, короче. Везде очень классно. Везде очень яркие сны, когда ты в походе, в лесу, нахватаешься эмоций. И потом спишь шикарно и сны везде. Ну, конечно, есть, там, йоги, там, всякие прокачанные разные, люди, которые начинают, там, чувствовать разные энергии, всякие такие вещи. Ну тоже имеет место быть, но я не специалист [Кира].

В рассуждениях Киры интересно слово «обчитались», использованное в контексте разговора о снах. Употребляя его, рассказчица отсылает к практике чтения определенной литературы, в частности книг знаменитого американского антрополога и эзотерика Карлоса Кастанеды, которая в значительной мере формирует духовных туристов-искателей как определенный социальный тип, а также влияет на содержательное наполнение путешествий. Даже у не очень разбирающихся в подобной

литературе проводников есть общие представления о путешествиях на места силы. Конкретные места силы, описываемые проводниками, могут иметь морфологическое сходство с таковыми из книг Кастанеды, хотя и иную, местную, содержательную фактуру. Например, в одной из его книг читаем: «Дон Хуан велел мне сесть на плоскую каменную плиту. Он сказал, что этот камень — объект силы, и что, если я немного на нем посижу, силы мои восстановятся» [Кастанеда 2008: 268]. Один из проводников показал фотографию с таким камнем и сидящими на нем медитирующими туристами. Этот камень он назвал «жертвенным», по-видимому, воспроизведя элемент вновь создаваемого некоторыми туристическими операторами нового «саамского текста» Сейдозера (нам дважды встречались упоминания о плоском жертвенном камне в видеоотчетах о посещениях озера в составе групп, которые водят экскурсоводы местной турфирмы).

Как видим, получив запрос на посещение места силы, проводники проделывают интерпретационную работу с объектами ландшафта, чтобы определить, что конкретно им стоит показывать своим спутникам. Они могут, например, постараться найти в ландшафте такие объекты, которые, предположительно, созданы или использовались людьми, как в случае с «жертвенным камнем». Согласно молчаливой конвенции эти объекты трактуются как связанные с деятельностью неких загадочных древних культур или цивилизаций (или, как вариант, с саамской ритуальной культурой). Проводники часто пытаются разглядеть в природных объектах артефакты, потому что, по их словам, именно их наличие в месте силы впечатляет клиента.

Вообще место силы — это такая вещь субъективная. То, что тебя вдохновляет, то, что тебе кажется местом силы, не факт, что покажется местом силы кому-то другому. Скажет: «Ну и куда ты нас привел?!» Такое уже было. Я тогда понял, что надо водить в такие места, где они как-то обозначены, скажем так, геологического, именно такие разломы очень интересные, которые приходят сразу в голову: это же ручная работа, и все такое. Или конкретно какие-нибудь сейды. Большие камни, стоящие на маленьких. Еще что-то, какие-то пирамиды выложенные. Какие-то вот такие вот горные выработки, которые выложенные. Но они вполне естественные. Выглядят, как будто они сделаны искусственно. Просто ни у кого не возникает вопросов: да, да, это место силы <...>. Потому что идеальные вот такие выемки треугольные. Вот. Это каким-то вот... напоминает какие-то масонские посвящения или египетские какие-то, я не знаю. На человека это производит очень сильные впечатления [Пашка].

В качестве атрибутов места силы могут также трактоваться объекты, имеющие какое-то сходство с всемирно известными дестинациями эзотерического паломничества, как в случае с ущельем Аку-Аку в Хибинах, где можно обнаружить скальные выступы, отдаленно напоминающие гигантские изваяния острова Пасхи (моаи)¹.

Соб.: *А ты говоришь, что водила эзотериков, они прямо эзотерики?*

Инф.: *Они по местам силы.*

Соб.: *Они конкретно говорят: «Нам на место силы»?*

Инф.: *Да. Они зна... они же были в Аку-Аку, потому что он похож на этот вот, исполинов с острова Пасхи. Но перед этим они были на острове Пасхи. Это люди, которые могут позволить себе, вот: «Мы хотим на остров Пасхи. Ой, куда мы хотим? Мы хотим в Тибет, на Кайлас. Ой, в интернете нашла как на острове Пасхи. Поехали в эти самые Хибиньы». Там был, по-моему, парень — прокурор Киева и жена его, какая-то... кто ведет тренинги для удачливых женщин — менеджеров в Турциях, в отелях пятизвездочных. Вот. То есть они люди очень богатые. И вот они ходили, да, силы [Анка].*

Эта история показывает, что в интерпретационной работе активно участвуют сами туристы и процесс приписывания (или открытия) смыслов мест силы предполагает, что обе стороны могут принять в нем участие.

Интересно, что гости Кольского полуострова зачастую оказываются гораздо активнее в открывании смыслов местных реалий, нежели их проводник. Вспоминая наше замечание о конвенции по формированию аутентичности между туристами и хозяевами, когда первые предоставляют свой фрейм аутентичности, а вторые — его наполнение, мы можем сказать, что здесь, как, видимо, и во многих других случаях, духовные туристы привозят с собой не только концептуальную рамку для осмысления места, к которому они едут, но и значительную часть контента, которым эта рамка заполнится.

Мы на самом деле путешествовали с Андреем. Андрей Жуков — это такой известный историк, такой именно эзотерической направленности. У него есть целая серия передач. Они путешествуют, там, смотрят в Перу разные такие места — как это

¹ Название ущелья совпадает с рапануйским термином, обозначающим личного духа-покровителя: знаменитая книга известного исследователя загадок древних цивилизаций Тура Хейердала, посвященная загадкам создания моаи, так и называется — «Аку-Аку. Тайна острова Пасхи» [Хейердал 1959]. И хотя сейчас в сети распространяется «нативистская» трактовка этого топонима как саамского (значащего, например, «праматерь»), краеведы отмечают, что это название ущелья появилось не раньше 1990-х гг. под прямым влиянием туризма [Семенов-Тянь-Шанский 2004: 20].

называется сейчас? Альтернативная история. Вот они такие банда альтернативщиков. Вот мы как-то с ними ездили. Да, и они сразу же. Первый вопрос был: «Так, мы, короче, поедем на Сейдозеро, нам нужно Сейдкамень смотреть. И еще вот, мы слышали, вот на той горе, там есть скала, там дедка-бабка, — ну их так в народе называют. — Так мы хотим туда залезть. И там нам нужно, значит, несколько часов. Будем там, значит, медитировать». Мы такие: «Все, все, ладно, все, как скажете, так и будет» [Кира].

Проводники в каких-то случаях могут активно подыгрывать своим спутникам, ожидающим, что вокруг них будут зримые свидетельства особого статуса пространства, к энергии которого они приехали приобщиться. Особенно часто они прибегают к этому методу в сложных ситуациях, когда от участников группы требуется мобилизация. Так, проводник может использовать «адаптированный перевод» цитат из саамской духовной культуры, чтобы поднять своим спутникам настроение.

Я когда с людьми хожу, мы всегда лезем в какую-нибудь [нцзр. — глушь], я им говорю: «[нцзр. — Не волнуйтесь], мы будем обращаться к древней магии <...>. У нас есть камни, которые помогают». Только я не по сейдам, как саамы, но чуть-чуть переделала под нас. Вот, есть камни, которые охраняют каждое место. Камни какого-то места <...>. На северном перевале есть приметный камень, я ему уже давала подаяние, когда шла сюда. Значит, он должен. Давайте ему пообещаем что-нибудь, если он нам поможет. И тогда люди в таком состоянии ходят. Если сейчас вот то, что вы пообещаете, говорю, камню вот понравится, то отсюда выберемся живьем, а если нет, то он нам не будет помогать <...>. И вот, блин, буквально после этого диалога раздувает [туман] <...>. «О-о! Магия сейдов работает!» В принципе так оно и работает, когда есть за что глазу человеку зацепиться. Он уже верит в свои силы, ему уже плевать на то, что скользко, на то, что сыпняк такой. Он видит ориентир, который ему был обещан. А потом он вспоминает о чудесном своем спасении <...>. Никакого обманства [Анка].

При этом в разговорах с исследователем большинство проводников отрицают свою причастность какой бы то ни было эзотерике. Более того, они проделывают специальную работу, чтобы построить между собой и духовными искателями дистанцию, особенно когда путешественники к местам силы пытаются приобщить проводников к своим практикам. Последние могут вспоминать о таких эпизодах с явной досадой. Некоторые проводники пространственно отдаляются от туристов, с интересом наблюдая за их поведением с безопасной дистан-

ции¹. Это, кстати говоря, резко отличает наших героев от того идеального проводника, образ которого предлагают нам научно-практические работы по духовному туризму. Тот, чтобы справиться со своими обязанностями, непременно сам должен быть «искателем или человеком, прилагающим искренние усилия для духовного роста» [Parsons et al. 2019: 149]. В нашем же случае проводники могут иногда поиграть в «древнюю магию», но дальше игры, кажется, дело не идет. Знания гостей остаются преимущественно их собственностью, а хозяевам приходится задумываться, что из имеющегося в их распоряжении может быть воспринято приезжими в качестве годного к потреблению.

Дефицит прошлого и подлинная история

Проводники часто сетуют на то, что не знают, что рассказывать об этнической истории тех мест, где они водят свои группы. Им непонятно, куда вести туристов даже в городском пространстве, чтобы показать то, что можно было бы отнести к традиционной саамской культуре. А именно она воспринимается местными как нечто аутентичное для этого края, судя, например, по ассортименту сувенирных лавок в аэропорту г. Апатиты, где турист может купить саамские шаманские бубны и сумочки-кисы.

Неоднократно встречавшиеся в ранее проведенных исследованиях высказывания об остром переживании того, что слой культурной памяти о прошлом Мурманской области слишком тонок, разряжен и не соответствуют некому социальному ожиданию (предполагаемой естественной толщины «культурного слоя») [Давыдова 2014], есть и в рассуждениях проводников. Это также проявляется в сетованиях на то, что сейчас нет настоящих саамов. Один наш собеседник отметил, что современные жители края испытывают острый дефицит исторической памяти, которая могла бы дать им чувство укорененности на этой земле. В этой связи он вспоминает, что в актуальном социально-информационном пространстве практически отсутствуют коренные жители этих мест — саамы. Это делает проблематичным установление легитимных связей между ныне живущими людьми и землей, на которой они находятся.

¹ Вообще говоря, в рассказах проводников встречается противопоставление себя любому типу туристов, и не только в контексте походов по Мурманскому краю. Это проявляется в саркастических высказываниях в их адрес и может трактоваться как вполне надежный способ поддержания корпоративной идентичности. Один из проводников показал свои фотографии с женой у водопада в Абхазии со следующими комментариями: «Вот, например, Гегский водопад знаменитый. Сюда постоянно возят этих коммерческих... ну, как тюленей с пляжа собирают, на экскурсию на джипах возят. А мы вот тут пришли после похода. Вот супчик сидим варим. С видом на это все безобразие» (муж., 1982 г.р., работает в музее специалистом по сохранению природного наследия).

Ощущение временности остается <...>, все мы немножко временички здесь. И историю края мы воспринимаем как-то — ну мы сами по себе, а вот Мурманская область сама по себе <...>. Вот есть у нас в институте саам, но на самом деле он не саам, он коми-пермяк. Он родился в Краснощелье <...>. Они как-то перемешивались, и вообще сейчас трудно разобраться, кто из них саам. Но в малые коренные народы выгодно записывать [Александр Васильевич].

Подобные рассуждения типичны для жителей городов Мурманской области. В этих условиях ценным ресурсом сведений о прошлом, способным восполнить дефицит культурной памяти, становятся академические тексты самого разного происхождения и статуса. Правда, в большинстве случаев подтвердить подлинность истории того или иного объекта проводники не стремятся, да и сами клиенты не ждут доказательств того, что он представляет собой что-то достойное внимания. При этом гиды все же пытаются удовлетворить потребность своих клиентов в «локальном знании». Другими словами, они в каком-то смысле «клиентоориентированы» и стараются рассказать искаателям историю места, но только ту, которую считают настоящей, т.е. в нашем случае базирующейся на знании, предоставляемом академическим мейнстримом. В своих рассказах о Сейдозере проводники используют, по их мнению, самый достоверный из известных им источников.

Соб.: *А вас просят рассказать об истории места, там, о Сейдозере?*

Инф.: *Конечно. Ну, там, легенду о Куйве рассказал.*

Соб.: *То есть у вас есть какой-то текст туристический?*

Инф.: *Конечно. Ну почему туристический? Просто то, что вот там Ферсман в книжках описывал. Вот это да. И своими словами пересказываю. Иногда там, может, привираешь чего-то. Ну мифов стараюсь это... не создавать. И не поддерживать [Станислав].*

Само слово «туристический» ассоциируется у Станислава с чем-то неподлинным, придуманным. Чтобы противопоставить специально сочиняемым для невзыскательного потребителя-туриста текстам что-то настоящее, он ссылается на один, по его мнению, из самых авторитетных источников — труды известного советского минеролога академика А.Е. Ферсмана, который является своего рода культурным героем Кольского Севера и действительно в одной из своих книг пересказал саамское предание о гибели великана Куйвы, оставшегося в виде антропоморфного пятна на одной из приозерных скал [Пация, Разумова 2006; Разумова 2009]. Логика здесь понятна и проста: уважаемый исследователь — это не какой-то зависимый от

преходящей конъюнктуры копирайтер, он не стал бы придумывать абы что.

Отношение к «выдуманной» истории, которая имеется в распоряжении духовных туристов, может выражаться в более энергичном обозначении своей позиции скептика.

Даки там каждый второй туда силу ищет <...>. Ну они, как правило, там на Сейдозере, там это плато-то, Нимчурт. Там все эти сейды. Если туда хотят, даки, как правило, им че-то такое и надо. Гиперборею там. Но, как правило, я никогда не подыгрывал там вот этим всем эзотерическим задвигам. Я говорю: «Я вот вам покажу, но я вам и скажу, что я про это думаю». Все эти пропилы геологические, руны древнейшие [Станислав].

Станислав хорошо знаком с историей этого места и объясняет стремление туристов увидеть в Сейдозере место силы их предрасположенностью к эзотерическим построениям. Некоторые его коллеги высказываются на эту тему более радикально, лапидарно и безапелляционно: «Я своим туристам сразу говорю, что места силы — это хрень» [Артур]. Тем не менее и Артур не откажет в показе Сейдозера в этом качестве, просто он не станет скрывать своих взглядов на этот предмет. Можно сказать, что в данном случае особенности человеческой инфраструктуры не приводят к критическим сбоям в работе с задачами нового типа.

Отметим, впрочем, что существуют гиды, которые не станут работать с нью-эйдж туристами в принципе, о чем они сразу предупреждают: «Гид-географ компетентно ответит на 99 % ваших “что” и “почему”! В фокусе внимания природные особенности района, эзотериков просьба поискать другого гида!»¹ Такие проводники критикуют духовных туристов не столько за стремление приобщиться к трансцендентному, сколько за наивность и неразборчивость в выборе источников информации. Мало того, что они — туристы, т.е. в данном контексте беспомощные непрофессионалы, зависимые от проводника, они оказываются наивными дилетантами, жертвами чужих мистификаций и манипуляций даже при определении цели своего путешествия.

На вопрос о том, чем конкретно аргументируют свою позицию проводники, критикуя туристов, собеседники указывали на эзотерическую репутацию места, которая оказывается сконструированной, если не сказать сфальсифицированной.

¹ «ВКонтакте», группа «Сейдозеро без эзотерики», описание программы похода 13 июня 2022 г. <<https://vk.com/seid4u>>.

Ну вот я рассказываю, что был такой Барченко, мозгокрут. От него все и пошло. Потом Демин выскочил. Все, собственно. Они авторы. До них никто. Нет, ну там Пифей че-та писал, грек-то этот, про Ultima Thule. Греческие мифы, Гиперборея, а потом ее воткнули почему-то на Кольский полуостров [Станислав].

Несколько проводников рассказывают про пребывание экспедиции Демина в Мурманской области схожие истории. Некоторые из них были знакомы с Деминым лично. Эти истории могут различаться в деталях, но главный момент — наивность искателя Гипербореи и отсутствие у него критического мышления — остается в них неизменным. Мы приведем два нарратива одного проводника.

И потом было уже понятно, что профессор Демин сделал свое дело, ныне покойный, который написал кучу книг по Гиперборее. В принципе-то неглупый человек. Ну потянуло в конце жизни этого доктора философских наук вот в эту Гиперборею и создание всех этих вот вещей. Много хохм. Много. [Ботаник] Похилько, например, она очень любит рассказывать хохму о том, как он прибежал на один из сборищ на Сейдозере с ну-у... с листиком и кричит: «Я ж говорил, я же говорил, я говорил, что здесь была великая Гиперборейская цивилизация! Вот даже виноградная лоза!» Она такая: «Какая виноградная? Ну-ка иди сюда. Это листик княженики. Княженика». — «Нет... Ладно, княженика, но в одном там из каких-то журналов вышла статья, что доказательство того, что здесь была вот виноградная лоза, и ботаники ботанического сада подтвердили, что это она».

А Ваня был, он над ним еще прикалывался. Там ведь когда бурят, там окатышки такие. И металлические бывают, каменные, такие красивые. И вот это был окатышек, по-моему, титановый. Ну может быть, не титановый, не помню, какой-то металл. На одном из островов Ловозерского озера. Озера Ловозера. И он решил подшутить над Деминым, и он сказал: «Вот смотрите — супернаходка, это, скорее всего, прародительница, Гиперборейская мать». Ну знаете, они раньше, такие фигурки были — большие тети с большими грудями и пóпами. «Вот, — он говорит, — это вот она». И он [Демин] говорит: «О господи, какая находка, какая находка!» И он опять об этом че-то там написал. Вот. Поэтому так я к этому отношусь [Роберт].

Как мы видим, гиперборейский нарратив о Сейдозере как месте силы вызывает у местных проводников сарказм и последовательное отторжение. В их глазах он не аутентичный, т.е. не местный, а выдуман заезжими чудаками. Однако саамский нарратив о священном озере ими активно поддерживается, даже когда он включается в рассказ об искателях древних цивилиза-

ций. Здесь можно увидеть, как проводники подгоняют имеющуюся в их распоряжении интеллектуальную экипировку к поступающим запросам. В результате альтернативная история может войти в нарратив проводников, только если она оказывается связана с этническим прошлым региона, информации о которой им так не хватает для придания местам, куда они водят туристов, искомой аутентичности. По мнению некоторых искателей Гипербореи, гиперборейцы не растворились во мгле минувших веков бесследно, а передали свои тайные знания саамам, и именно поэтому саамские шаманы были самыми сильными. Основу этой теории заложил еще Барченко. Одна информантка на вопрос о том, почему были засекречены материалы его экспедиции (одно из общих мест гиперборейского нарративного канона, привносящее в него пикантный аромат конспирологии), предположила:

На Кольском жили сильные колдуны, отсюда логика — значит, здесь хорошие либо традиции «школы колдовства», либо места, откуда эта сила черпается, места силы. Я читала про пространственно-временные порталы. Это уж совсем из области фантастики, но объясняет многие явления. И первая запись очевидца — о Кольском! <...> за шаманами ездили, узнавали от них методику меряченья, считай — массового гипноза. Плюс они нашли какой-то лаз, откуда веяло ужасом, и вроде как тот лаз потом еще искали, но он был засыпан, предположительно нквдшниками. Возможно, что в той пещере что-то нашли, а координаты палить не хотели. Саамская магия — это практика. Значит, есть методика, а методику зачем палить для всех? Как у Кастанеды, возможно, но Кастанеда в семидесятых печатался [Мария].

Так или иначе Сейдозеро признается проводниками аутентичным сакральным местом только в силу того, что оно занимало важное место в жизни и устной традиции саамов. Они с почтением ссылаются на воспоминания коренных жителей, которых сейчас встретить здесь практически невозможно.

Но опять же, кажется, что это та история, которая вот эта вот история сакральности народа, потому что исторически так сложилось. Это вот традиции, накопленные годами. Вот, например, саамы говорят опять же, вот с ними когда разговариваешь, они говорят, например, что: «Нам в Сейдозере, вот мы просто так не ходили. Мы там рыбу...» — они там как-то ловили. Вот там вот это Остров Мертвых, там, где погост находится. То есть вот у них были эти какие-то правила [Ольга].

Упомянутый здесь Остров Мертвых находится практически в центре озера. Согласно местным преданиям, на нем хоронили саамских шаманов. По словам проводников, он вызывает повы-

шенный интерес у тех из приезжающих на Сейдозеро людей, кто позиционирует себя как шамана. О таких путешественниках упомянули несколько наших собеседников. В этих рассказах гораздо меньше скепсиса, хотя очевидно, что приезжие шаманы — горожане и не чуждаются ни нью-эйджерских практик, ни интерпретаций реальности («Шаманки эстонские приезжали в августе. На Сейдозеро их там сводили <...>. К нам они приезжали на Канозеро. Сидели на скалах. Разные вибрации чувствовали» [Станислав]). Недоверие к таким визитерам снимается все тем же уважением к этническому наследию края. Шаманы, несмотря на то что их идентичность в значительной степени транслокальна и основывается на производстве продукта для нужд довольно обширного рынка коммерческой «этники», все-таки не московские философы. Они приезжают сюда не искать следы протоарийцев или космических пришельцев, а почтить память многих поколений саамских нойд (так саамы называли своих шаманов, и многие местные предпочитают использовать этот термин). Посещение мест последнего упокоения духовных лидеров саамского народа, по мнению проводников, — серьезная и вполне легитимная причина для визита на сакральное место, в целом имеющее репутацию запретного и даже опасного. Шаманы, пускай и не саамские, все же имеют право на приобщение к индигенной духовности по праву своей религиозной идентичности. У них есть право приезжать в эти места со своей аутентичностью, пусть и изрядно коммодифицированной, ведь она «рифмуется» с некоторыми аспектами локальной идентичности, признаваемой и ценимой проводниками, которые сами на статус шаманов претендовать, по их собственному убеждению, не могут¹.

Впрочем, право на свой способ использовать это место с точки зрения некоторых проводников имеют и духовные туристы. Правда, с ними все равно нужно сохранять дистанцию, но все же импортируемый ими метод работы с репутацией Сейдозера как с местом силы понемногу обретает легитимность.

А нет, мне интересно. Я занимаюсь йогой, [и] в принципе не могу сказать, что для меня это совсем какое-то чуждое что-то. В принципе бывает интересно поговорить и, как правило, они все очень умные и такие люди как бы интеллектуально развитые, начитанные. То есть можно о каких-то вещах погово-

¹ У доброжелательного отношения местных проводников к городским шаманам есть и другое основание, а именно чувство классовой солидарности. Современные шаманы профессионализируют свои знания и навыки. Это отличает их от духовных путешественников-любителей, столичных жителей, которые с точки зрения проводников являются представителями «праздного класса» и могут себе позволить дорогостоящие путешествия. О проблеме социального класса разных участников туристического рынка и диспропорции в распределении их географической мобильности применительно к практикам нью-эйдж путешествий см.: [Ivakhiv 2007: 283–284].

ритель, вот не только именно... У них, понятно, свои есть темы, какие-то, например, в которые я не лезу. Есть, в которые я не лезу, совсем странные. Вот. А есть какие-то вещи, о которых действительно можно интересно поговорить. Об истории, о каких-то социальных взаимоотношениях, то есть, как правило, люди, подкованные в эзотерике, они подкованы также и в психологии, и в каких-то таких исторических вещах, то есть, как правило, бывает очень интересно. Так что, наоборот, даже по кайфу поговорить [Кира].

* * *

Массовое появление путешественников нового типа оказывается своеобразным вызовом для проводников, водящих группы туристов по Кольскому полуострову. Привыкшие видеть в своей деятельности прежде всего проверку человеческих сил и выносливости, вознаграждаемую созерцанием горных ландшафтов и переживанием своей временной, но легко возобновляемой независимости от рутины городской жизни, они понимают, что их новые клиенты пытаются обрести в своих отпускных странствиях нечто помимо этого (а то и совершенно иное). Проводники хорошо представляют себе, что является главной целью нанимающих их духовных искателей. Это в первую очередь контакт с местами силы. Сейдозеро выбирается в этом качестве как наиболее известное место такого рода на Кольском полуострове. Если же проводникам не поступает конкретного запроса на Сейдозеро, то они сами решают, куда вести клиентов, руководствуясь собственными представлениями о местах силы, которые должны быть похожи на всемирно известные, предположительно созданы древними людьми или другими разумными существами.

Считая запрос на места силы потребностью своих клиентов приобщиться к чему-то аутентичному, древнему и местному, проводники в целом склоняются к тому, что законным и убедительным источником этой аутентичности должна быть этническая культура коренного народа Кольского полуострова — саамов, к которой они сами не принадлежат, но видят в ней ценный ресурс с ограниченным доступом. Поэтому они принимают посильное участие в конструировании мест силы, стараясь максимально ограничить сферу влияния гиперборейского нарратива за счет популяризации нарратива саамского. При этом проводники остро ощущают, что региональная история в их профессиональных презентациях представлена недостаточно. В этом плане альтернативная история может порой рассматриваться как пусть и весьма несовершенный, но все же возможный источник информации, и только в том случае, если она связана с этническим наследием региона. Потребность

в саамском нарративе настолько сильна, что, судя по свидетельствам туристов, посетивших эти места в сопровождении местных проводников, последние иногда создают новую редакцию саамской культуры, которая предполагает не присутствие самих саамов, а соблюдение определенных «саамских» запретов и предписаний. Так, современным туристам сообщается о том, что если они заберут с озера в качестве сувенира камень, то за этим неминуемо последует воздаяние («он [камушек] что-то у тебя из жизни заберет») или что дух хранителя озера великана Куйвы нуждается в постоянном внимании и приношениях. Очевидно, что необходимость соблюдать режим многочисленных, но несложных для исполнения ограничений создает у туристов ощущение причастности к чему-то этнически аутентичному и домотерному. Правда, многие духовные туристы почти не нуждаются в информационном сопровождении своих путешествий, приобретая нужные им знания об объектах, являющихся предметами их интереса, до путешествий. Таким образом, Сейдозеро оказывается одной из точек, составляющих глобальную сеть мест силы. Получается, что его уникальность и подлинность создается и поддерживается местными проводниками и приезжими гостями посредством разных механизмов.

Неудивительно, что в большинстве случаев проводники последовательно поддерживают интеллектуальную дистанцию с теми людьми, которым они помогают совершать духовные путешествия. Возможно, главная внутренняя причина соблюдения этой границы состоит в том, что туристы по культурному наполнению своей социальной позиции (воплощая собой апофеоз модерности: состоятельные жители больших городов, зачастую прямо причастные к высшим достижениям современной информационной цивилизации) резко контрастируют с тем пространством, куда они стремятся попасть, — далеким от населенных пунктов древним и/или индигенным культовым местом. Именно там они ищут себя, но только для того, чтобы через короткое время погрузиться в жизнь сверхсовременного мегаполиса. Проводники же, привычные к суровым северным ландшафтам, не могут воспользоваться контрастным механизмом обретения self — для них Сейдозеро никогда не станет достаточно чужим, чтобы, как выразилась одна духовная путешественница к местам силы, «об него думать о себе».

Однако, как мы видим, эта позиция не мешает проводникам относиться к духовным путешественникам с отчужденным уважением и порой даже с симпатией. Все проводники, за редким исключением, исправно выполняют свою работу в качестве важнейших элементов стихийной инфраструктуры духовного туризма, т.е. делают самые разные вещи, в число которых входят не только рекомендации, где стоит остановиться для меди-

тации и созерцания величественных пейзажей, но и нажатие на кнопку фотоаппарата, чтобы тот зафиксировал эти моменты.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН № 0226-2019-0066.

Список информантов

Александр Васильевич — мужчина, 1949 г.р., д-р технических наук

Анка — женщина, сотрудник музея, 1978 г.р., «полупроводник»

Антон — мужчина, 1982 г.р., инструктор по горному туризму, инструктор по альпинизму, проводник

Артур — мужчина, 1983 г.р., фрилансер, «полупроводник»

Камилл — мужчина, 1982 г.р., ученый-биолог, путешественник, проводник

Кира — женщина, 1995 г.р., инструктор по горному туризму, проводник

Мария — женщина, данные этой информантки максимально зашифрованы по ее просьбе

Ольга — женщина, 1972 г.р., ученый картограф, гид

Пашка — мужчина, 1974 г.р., инженер, «полупроводник»

Роберт — мужчина, 1984 г.р., путешественник-натуралист, «полупроводник»

Станислав — мужчина, 1982 г.р., сотрудник музея, «полупроводник»

Источники

Лихачев В.А., Йохна И.В. Легенда о Куйве // Земля Тре: историко-краеведческий альманах. 2018. № 4. С. 59.

Кастанеда К. [Собр. соч.]. М.; Киев: София, 2008. Кн. 3: Путешествие в Икстлан. 383 с.

Семенов-Тянь-Шанский О.И. Топонимы Хибинских и Ловозерских тундр, бассейна озера Имандра, чуна- и монче-тундры // Живая Арктика: историко-краеведческий альманах. 2004. № 1: Топонимы Хибинского края. Хибинский дневник О.И. Семенова-Тянь-Шанского. С. 20–98.

Хейердал Т. Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. М.: Детгиз, 1959. 293 с.

Библиография

Андреев А.И. Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в советской России. СПб.; М.: Нева; Олма-Пресс, 2002. 352 с.

Андреев А.И., Бережков В.И. Оккультисты Лубянки. М.: Изд. Быстров, 2006. 506 с.

Андреева Ю.О. «Места силы», «духи дольменов» и «знания первоисток»: археологические памятники и движение New Age «Анастасия» // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 73–87.

- Белолипецкая Н.А.* Заповедник «Аркаим»: особенности взаимоотношения музея и общества // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 69–77.
- Давыдова А.С.* Кольский Север как территория храмостроения: отношения и оценки // Труды Кольского научного центра РАН. Сер.: Гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 166–180.
- Казаков А.Н.* О географических названиях Ловозерских тундр на Кольском полуострове. Опыт топонимического исследования // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. географических наук. 1949. № 124. Вып. 6. С. 297–313.
- Кормина Ж.* Паломники: этнографические очерки православного нондизма. М.: ИД ВШЭ, 2019. 349 с.
- Курпянова Е.В.* Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12(341). История. Вып. 60. С. 22–29.
- Лехти М.* Вдалеке: от контркультурных исканий к индустрии путешествий в Непале / Пер. с англ. Н.И. Неупокоевой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 544 с.
- Пацця Е.Я., Разумова И.А.* Genius loci (А.Е. Ферсман) // Петров В.П., Разумова И.А. (ред.). Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: Сб. статей. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2006. С. 60–69.
- Разумова И.А.* Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой Воды» и Хибин. СПб.: Гамас, 2009. 154 с.
- Свешников А., Свешникова О.* Здесь ли родился Заратустра? Или пути и последствия спасения одного археологического памятника // Неприкосновенный запас. 2008. № 1(57). С. 207–218.
- Тюхтяев А.* Телесность и социальность в нью-эйдж паломничестве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4(37). С. 45–68. doi: 10.22394/2073-7203-2019-37-4-45-68.
- Тюхтяев А.Е.* Долина реки Жане как паломническое место: нью-эйдж духовность, перформанс и аутентичность: Дис. ... канд. наук о культуре / НИУ ВШЭ. М., 2021. 275 с.
- Шнирельман В.* Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.
- Шнирельман В.* Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: НЛО, 2015. Т. 1. 536 с.
- Bernstein A.* Remapping Sacred Landscapes: Shamanic Tourism and Cultural Production on the Olkhon Island // Sibirica. 2008. Vol. 7. No. 2. P. 23–46. doi: 10.3167/sib.2008.070203.
- Blain J., Wallis R.J.* Sacred Sites, Contested Rites / Rights: Contemporary Pagan Engagements with the Past // Journal of Material Culture. 2004. Vol. 9. No. 3. P. 237–261. doi: 10.1177/1359183504046893.
- Bowman M.* Going with the Flow: Contemporary Pilgrimage in Glastonbury // Margy P.J. (ed.). Shrines and Pilgrimage in the Modern World: New Itineraries into the Sacred. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. P. 241–280.

- Butler J.* Contemporary Pagan Pilgrimage: Ritual and Re-Storying in the Irish Landscape // *Numen*. 2020. Vol. 67. No. 5–6. P. 613–636. doi: 10.1163/15685276-12341604.
- Coats C.* The Melodramatic Structure of New Age Tourist Desire // *Tourist Studies*. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 197–213. doi: 10.1177/14687976114320.
- Cogswell D.* Niche for the New Age // *Travel Agent*. 1996, Oct. 21. P. 80–82.
- Cusack C.M.* The New Spiritual Marketplace: Comparing New Age and New Religious Movements in an Age of Spiritual and Religious Tourism // Olsen D.H., Timothy D.J. (eds.). *The Routledge Handbook of Religious and Spiritual Tourism*. L.: Routledge, 2021. P. 79–89. doi: 10.4324/9780429201011-7.
- Dubisch J.* The Seduction of the Past in New Age Pilgrimage // Di Giovine M.A., Picard D. (eds.). *The Seductions of Pilgrimage: Sacred Journeys Afar and Astray in the Western Religious Tradition*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2015. P. 145–167.
- Fotiou E.* Shamanic Tourism in the Peruvian Lowlands: Critical and Ethical Considerations // *The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology*. 2020. Vol. 25. No. 3. P. 374–396. doi: 10.1111/jlca.12508.
- Graburn N.H.H.* Tourism: The Sacred Journey // Smith V.L. (ed.). *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 17–31.
- Hallström G.* Gravplatser och offerplatser i ryska lappmarken // *RIG, Föreningen FörSvensk Kulturhistoria*. 1922. Vol. 5. P. 162–192.
- Hooper J.* The Transcendental Tourist // *Mirabella*. 1994. Vol. 5. No. 8. P. 71–73.
- Ivakhiv A.* Power Trips: Making Sacred Space through New Age Pilgrimage // Kemp D., Lewis J.R. (eds.). *Handbook of New Age*. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 263–286. (Brill Handbooks on Contemporary Religion. Vol. 1). doi: 10.1163/ej.9789004153554.i-484.91.
- Lopez D.S., Jr.* Foreigner at the Lama's Feet // Lopez D.S., Jr. (ed.). *Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 251–295.
- MacCannell D.* *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Berkeley, CA: University of California Press, 1999. XXVIII+231 p.
- Norman A.* *Spiritual Tourism: Travel and Religious Practice in Western Society*. L.; N.Y.: Continuum, 2011. X+239 p.
- Norman A.* The Varieties of the Spiritual Tourist Experience // *Literature & Aesthetics*. 2012. Vol. 22. No. 1. P. 20–37.
- Parsons H., Mackenzie S.H., Filep S.* Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences // *Tourism Recreation Research*. 2019. Vol. 44. No. 2. P. 141–152. doi: 10.1080/02508281.2019.1582159.
- Pernecky T., Poulston J.* Prospects and Challenges in the Study of New Age Tourism: A Critical Commentary // *Tourism Analysis*. 2015. Vol. 20. No. 6. P. 705–717. doi: 10.3727/108354215X14464845878237.
- Ratia K.* “Connected to the Past”: Creative Rituality at Etruscan Archaeological Sites in the Frame of European Rainbow Gatherings // *Ciencias sociales y religión*. 2021. Vol. 23. P. 1–33. doi: 10.20396/csr.v23i00.14914.

- Rountree K.* Performing the Divine: Neo-Pagan Pilgrimages and Embodiment at Sacred Sites // *Body & Society*. 2006. Vol. 12. No. 4. P. 95–115. doi: 10.1177/1357034X06070886.
- Senina J.* The Siberian Village of Okunevo as a Place of Power and Its Sacred Landscape // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 43–62. doi: 10.2478/jef-2021-0016.
- Stankov U., Člkić J., Armenski T.* New Age Tourism: Challenges and Positioning in a Changing Society // *Tourism Culture & Communication*. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 69–80. doi: 10.3727/109830421X16191799471944.
- Timothy D.J., Conover P.J.* Nature Religion, Self-Spirituality and New Age Tourism // Timothy D.J., Olsen D.H. (eds.). *Tourism, Religion and Spiritual Journeys*. L.: Routledge, 2006. P. 139–155. doi: 10.4324/9780203001073-12.
- Wang N.* Rethinking Authenticity in Tourism Experiences // *Annals of Tourism Research*. 1999. Vol. 26. No. 2. P. 349–370. doi: 10.1016/S0160-7383(98)00103-0.
- White E.D.* Devil's Stones and Midnight Rites: Megaliths, Folklore, and Contemporary Pagan Witchcraft // *Folklore*. 2014. Vol. 125. No. 1. P. 60–79. doi: 10.1080/0015587X.2013.860766.

“This, They Say, Is Your Local Place of Power”: Spiritual Tourism on Seydozero through the Eyes of Guides on the Kola Peninsula

Alena Davydova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences
Akademgorodok 40 “A”, Apatity, Russia
alyona-797@mail.ru

Sergei Shtyrkov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian
Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
shtyr@eu.spb.ru

So-called spiritual tourism, the most important part of which is travelling to “places of power”, is a dynamically developing trend in the tourism industry. However, the market for services in this field is far from being transparently and pragmatically structured in every

place. Sometimes it is consistently transformed through the creation and promotion of an easily recognisable consumer product offered by specialised entrepreneurs. Somewhere, however, this market develops using the resources of structures already present in the field that were not specifically designed for it. The purpose of this study is to analyse certain aspects of the process, which can be defined as the arrival of a new consumer where they have not been expected, where the tourism industry is defined by a long-established infrastructure. The guides who provide travel to familiar geographical locations are an important part of this infrastructure. They are faced with new tourists to whose unusual practices they have to adapt. Among other strange things, guides have to deal with the fact that their clients have a habit of attributing meanings to local objects that are unknown to the guides themselves. In other words, these “guests” bring with them something that is usually produced by the “hosts”, local people who are supposed to be privy to local knowledge. But the particular history of settlement in this region creates in the guides a sense of a lack of authentic information about the past of these places. Under these circumstances, in an attempt to create the necessary historical narratives, they enter into difficult negotiations with their clients about what kind of past the most popular spiritual tourism destination in the Murmansk region, Seidozero, should base its reputation on.

Keywords: New Age, pilgrimage, infrastructure, Murmansk region, Seidozero, anthropology of religion, spiritual tourism.

Acknowledgments

The article was made within the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences no. 0226-2019-0066.

References

- Andreev A. I., *Vremya Shambaly: okkultizm, nauka i politika v sovetskoj Rossii* [Time of Shambhala: Occultism, Science and Politics in Soviet Russia]. St Petersburg; Moscow: Neva; Olma-Press, 2002, 352 pp. (In Russian).
- Andreev A. I., Berezikov V. I., *Okkultisty Lubyanki* [Occultists of Lubyanka]. Moscow: Publisher Bystrov, 2006, 506 pp. (In Russian).
- Andreeva J. O., “Mesta sily”, “dukhi dolmenov” i “znaniya pervoistokov”: arkheologicheskie pamyatniki i dvizhenie New Age “Anastasiya” [“Places of Power”, “Spirits of Dolmens” and “Pristine Knowledge”: Archaeological Monuments and the New Age Movement “Anastasia”], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 73–87. (In Russian).
- Belolipetskaia N. A., ‘Zapovednik “Arkaim”: osobennosti vzaimootnosheniya muzeya i obshchestva’ [Arkaim Reservation: Particularities of the Relationship between the Museum and the Society], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 69–77. (In Russian).

- Bernstein A., 'Remapping Sacred Landscapes: Shamanic Tourism and Cultural Production on the Olkhon Island', *Sibirica*, 2008, vol. 7, no. 2, pp. 23–46. doi: 10.3167/sib.2008.070203.
- Blain J., Wallis R. J., 'Sacred Sites, Contested Rites / Rights: Contemporary Pagan Engagements with the Past', *Journal of Material Culture*, 2004, vol. 9, no. 3, pp. 237–261. doi: 10.1177/1359183504046893.
- Bowman M., 'Going with the Flow: Contemporary Pilgrimage in Glastonbury', Margy P. J. (ed.), *Shrines and Pilgrimage in the Modern World: New Itineraries into the Sacred*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008, pp. 241–280.
- Butler J., 'Contemporary Pagan Pilgrimage: Ritual and Re-Storying in the Irish Landscape', *Numen*, 2020, vol. 67, no. 5–6, pp. 613–636. doi: 10.1163/15685276-12341604.
- Coats C., 'The Melodramatic Structure of New Age Tourist Desire', *Tourist Studies*, 2011, vol. 11, no. 3, pp. 197–213. doi: 10.1177/14687976114320.
- Cogswell D., 'Niche for the New Age', *Travel Agent*, 1996, Oct. 21, pp. 80–82.
- Cusack C. M., 'The New Spiritual Marketplace: Comparing New Age and New Religious Movements in an Age of Spiritual and Religious Tourism', Olsen D. H., Timothy D. J. (eds.), *The Routledge Handbook of Religious and Spiritual Tourism*. London: Routledge, 2021, pp. 79–89. doi: 10.4324/9780429201011-7.
- Davydova A. S., 'Kolskiy Sever kak territoriya khramostroeniya: otnosheniya i otsenki' [Kola North as the Area for Temple Construction: Altitude and Evaluation], *Proceedings of the Kola Scientific Center, RAS, series: Humanities Studies*, 2014, no. 2, pp. 166–180. (In Russian).
- Dubisch J., 'The Seduction of the Past in New Age Pilgrimage', Di Giovine M. A., Picard D. (eds.), *The Seductions of Pilgrimage: Sacred Journeys Afar and A stray in the Western Religious Tradition*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2015, pp. 145–167.
- Fotiou E., 'Shamanic Tourism in the Peruvian Lowlands: Critical and Ethical Considerations', *The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 374–396. doi: 10.1111/jlca.12508.
- Graburn N. H. H., 'Tourism: The Sacred Journey', Smith V. L. (ed.), *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1977, pp. 17–31.
- Hallström G., 'Gravplatser och offerplatser i ryska lappmarken', *RIG, Föreningen För Svensk Kulturhistoria*, 1922, vol. 5, pp. 162–192.
- Hooper J., 'The Transcendental Tourist', *Mirabella*, 1994, vol. 5, no. 8, pp. 71–73.
- Ivakhiv A., 'Power Trips: Making Sacred Space through New Age Pilgrimage', Kemp D., Lewis J. R. (eds.), *Handbook of New Age*. Leiden; Boston: Brill, 2007, pp. 263–286. (Brill Handbooks on Contemporary Religion, vol. 1). doi: 10.1163/ej.9789004153554.i-484.91.
- Kazakov A. N., 'O geograficheskikh nazvaniyakh Lovozerskikh tundr na Kolskom poluostrrove. Opyt toponimicheskogo issledovaniya' [On the Geographical Names of the Lovozero Tundra on the Kola Peninsula. Experience of Toponymic Research], *Scientific Notes of the Leningrad State University, series: Geographic Sciences*, 1949, no. 124, is. 6, pp. 297–313. (In Russian).

- Kormina J. V., *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of Orthodox Nomadism]. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 349 pp. (In Russian).
- Kupriyanova E. V., 'Zapovednik "Arkaim" i problemy populyarizatsii arkhologii na Yuzhnom Urale' [Arkaim Reserve and Problems of the Popularization of Archeology in Southern Ural], *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 12(341), *History*, is. 60, pp. 22–29. (In Russian).
- Liechty M., *Far Out: Countercultural Seekers and the Tourist Encounter in Nepal*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017, 392 pp.
- Lopez D. S., Jr., 'Foreigner at the Lama's Feet', Lopez D. S., Jr. (ed.), *Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995, pp. 251–295.
- MacCannell D., *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Berkeley, CA: University of California Press, 1999, XXVIII+231 pp.
- Norman A., *Spiritual Tourism: Travel and Religious Practice in Western Society*. London; New York: Continuum, 2011, X+239 pp.
- Norman A., 'The Varieties of the Spiritual Tourist Experience', *Literature & Aesthetics*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 20–37.
- Parsons H., Mackenzie S. H., Filep S., 'Facilitating Self-Development: How Tour Guides Broker Spiritual Tourist Experiences', *Tourism Recreation Research*, 2019, vol. 44, no. 2, pp. 141–152. doi: 10.1080/02508281.2019.1582159.
- Patsiya E. Ya., Razumova I. A., 'Genius loci (A. E. Fersman)', Petrov V. P., Razumova I. A. (eds.), *Severyane: problemy sotsiokulturnoy adaptatsii zhiteley Kolskogo poluostrova* [Northerners: Problems of Social and Cultural Adaptation of Inhabitants of the Kola Peninsula]: A coll. of articles. Apatity: Kola Science Center RAS Press, 2006, pp. 60–69. (In Russian).
- Pernecky T., Poulston J., 'Prospects and Challenges in the Study of New Age Tourism: A Critical Commentary', *Tourism Analysis*, 2015, vol. 20, no. 6, pp. 705–717. doi: 10.3727/108354215X14464845878237.
- Ratia K., "'Connected to the Past": Creative Rituality at Etruscan Archaeological Sites in the Frame of European Rainbow Gatherings', *Ciencias sociales y religion*, 2021, vol. 23, pp. 1–33. doi: 10.20396/csr.v23i00.14914.
- Razumova I. A., *Kulturnye landshafty Kolskogo Severa: goroda u "Bolshoy Vody" i Khibin* [Cultural Landscapes of the Kola North: Cities Near the "Bolshaya Voda" and Khibiny]. St Petersburg: Gamas, 2009, 154 pp. (In Russian).
- Rountree K., 'Performing the Divine: Neo-Pagan Pilgrimages and Embodiment at Sacred Sites', *Body & Society*, 2006, vol. 12, no. 4, pp. 95–115. doi: 10.1177/1357034X06070886.
- Senina J., 'The Siberian Village of Okunevo as a Place of Power and Its Sacred Landscape', *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 43–62. doi: 10.2478/jef-2021-0016.
- Shnirelman V., 'Arkaim: arkhologiya, ezotericheskiy turizm i natsionalnaya ideya' [Arkaim: Archaeology, Esoteric Tourism and the National Idea], *Antropologicheskij forum*, 2011, no. 14, pp. 133–167. (In Russian).

- Shnirelman V., *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan Myth Today], in 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, vol. 1, 536 pp. (In Russian).
- Stankov U., Čikić J., Armenski T., 'New Age Tourism: Challenges and Positioning in a Changing Society', *Tourism Culture & Communication*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 69–80. doi: 10.3727/109830421X16191799471944.
- Sveshnikov A., Sveshnikova O., 'Zdes li rodilsya Zaratustra? Ili puti i posledstviya spaseniya odnogo arkhelogicheskogo pamyatnika' [Was Zarathustra Born Here? Or, The Ways and Consequences of Saving One Archaeological Site], *Neprikosnovennyi zapas*, 2008, no. 1(57), pp. 207–218. (In Russian).
- Timothy D. J., Conover P. J., 'Nature Religion, Self-Spirituality and New Age Tourism', Timothy D. J., Olsen D. H. (eds.), *Tourism, Religion and Spiritual Journeys*. London: Routledge, 2006, pp. 139–155. doi: 10.4324/9780203001073-12.
- Tiukhtiaev A., 'Telesnost i sotsialnost v nyu-eydzh palomnichestve' [Body and Sociality in New Age Pilgrimage], *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2019, no. 4(37), pp. 45–68. doi: 10.22394/2073-7203-2019-37-4-45-68. (In Russian).
- Tiukhtiaev A. E., *Dolina reki Zhane kak palomnicheskoe mesto: nyu-eydzh dukhovnost, performans i autentichnost* [Zhane River Valley as a Pilgrimage Site: New Age Spirituality, Performance, Authenticity]: PhD diss. Moscow, 2021, 275 pp. (In Russian).
- Wang N., 'Rethinking Authenticity in Tourism Experiences', *Annals of Tourism Research*, 1999, vol. 26, no. 2, pp. 349–370. doi: 10.1016/S0160-7383(98)00103-0.
- White E. D., 'Devil's Stones and Midnight Rites: Megaliths, Folklore, and Contemporary Pagan Witchcraft', *Folklore*, 2014, vol. 125, no. 1, pp. 60–79. doi: 10.1080/0015587X.2013.860766.